

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Проект инициирован и поддержан
Женской сетевой и Издательской программами
Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса – Россия)

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Дженис А. Рэдуэй

Читая любовные романы

**женщины, патриархат
и популярное чтение**

*Перевод Курганской М.Т.
и Тихонова М.А.*

Прогресс-Традиция
Москва

УДК 39
ББК 66.74
Р 33

Научный редактор Б.В.Дубин

Редакционный совет

серии «Гендерная коллекция — зарубежная классика»:

*Венедиктова Т.Д., Воронина О.А., Гениева Е.Ю., Дубин Б.В.,
Дробижева Л. М., Зверева Г.И., Казавчинская Т.Я., Кон И.С.,
Кочкина Е.В., Ливергант А.Я., Петровская Е.В., Посадская-
Вандербек А.И., Садомская Н.Н., Самойло Е.Н., Сорокин А.К.,
Утешева Н.Т., Федорова Л. Н., Хасбулатова О.А., Чистяков Г.П.,
Юрьева Н.Ю., Ярыгина Т.В.*

Р 33 **Дженис А. Рэдуэй**
Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение/Пер.с англ. Курганской М.Т., Тихонова М.А.— М.: Прогресс-Традиция, 2004. — с. 336

ISBN 5-89826-223-7

Книга американского историка современности, профессора Дженис Рэдуэй бросает вызов широко распространенным, унижающим женщин представлениям о том, почему романтическая проза — один из самых прибыльных жанров в книгоиздании — привлекает миллионы читателей.

Предмет исследований Рэдуэй — это мир устремлений и страхов, привычек и оценок, эмоциональных стрессов и жизненных дефицитов американских женщин..

«Читая любовные романы представляет собой образец культурологической работы, — в англоязычных странах она стала неотъемлемой частью гуманитарных дисциплин

ББК 66.74

© University of North Carolina Press
© Предисловие Б.В. Дубин, 2004
© Перевод М.Т. Курганская, М.Т. Тихонов, 2004
© Оформление серии, А.Б.Орешина, 2004
© Прогресс-Традиция, 2004

ISBN 5-89826-223-7

Глава 2

Любовные романы и их читатели

Городок Смиттон с его ухоженными особнячками, окруженный лугами и кукурузными полями, находится почти в двух тысячах миль от высотных, из стекла и стали, офисов Нью-Йорка, где сосредоточена большая часть издательской индустрии Америки. Несмотря на разделяющее их расстояние, многие книги, которые готовят к печати выпускницы филологических факультетов в Нью-Йорке, охотно читают жительницы Смиттона — женщины, сумевшие выкроить из своего времени, почти полностью посвященного заботе о близких, тихий промежуток для чтения. Смиттонским читательницам нравятся не все любовные романы, которые издают для них нью-йоркские редакторы, и с помощью Дороти Эванс они научились выбирать то, что им нужно, обходя все еще нечеткое представление издательской индустрии о том, что ищут женщины в романтической прозе. Им пришлось приобрести навык расшифровки обложки и аннотации на обороте книги или же постоянно брать книги успевших понравиться им авторов.

Дороти Эванс смогла завоевать такое доверие к своим советам относительно выбора книг именно потому, что здешние читательницы изначально не особенно доверяли вкусам нью-йоркских издателей. Ее готовность делиться информацией понравилась женщинам, потерявшимся в потоке любовных романов, постоянно нараставшем на протяжении всех 70-х годов, поэтому они снова и снова подходили к кассе Дороти Эванс узнать, что стоит почитать. Думая, что при выборе нового романа ее «экспертное» мнение для многих может ока-

заться полезным, Дороти Эванс начала писать информационные бюллетени о «книгах месяца» и рассылать их редакторам и книжным магазинам. Она столь в этом преуспела, что приобрела национальную известность, и нью-йоркские издатели стали высылать ей корректуру в гранках своих новинок, рассчитывая на появление отзыва в ее бюллетене. Сейчас она взялась за предварительный просмотр рукописей нескольких известных авторов, обратившихся к ней за советом и поддержкой. Казалось бы, должность Дороти Эванс не может гарантировать, что ее мнение или мнение ее клиентов отражает мнение большинства читателей, тем не менее многие авторы и редакторы уверены, что она не только хорошо чувствует потребности и вкусы аудитории, но и способна точно их сформулировать. Нет ничего удивительного в том, что, участвуя в обсуждениях романтической литературы, она проявила себя как искренняя, внимательная и понимающая собеседница.

Впервые я написала Дот в декабре 1979 года, спросив, не могла бы она высказаться на тему любовных романов и критериев их оценки. Кроме того, я поинтересовалась, не согласятся ли ее покупатели обсудить свои впечатления и рассказать, что и для чего они читают. Дороти откликнулась доброжелательно и охотно, заверяя меня, что она с радостью организует серию интервью и встреч у себя дома во время летнего отпуска. Поначалу я была немного ошеломлена таким великодушием, но вскоре убедилась, что оно проистекает из неподдельного и искреннего интереса Дот к людям. Когда я не смогла забронировать комнату в гостинице в первую ночь своего пребывания в Смиттоне, она настояла, чтобы я остановилась у нее. Она также сообщила, что я легко смогу узнать ее в аэропорту — она будет в бледно-лиловом брючном костюме.

Мы ехали на машине из аэропорта, Дот свободно и увлеченно рассказывала о любовных романах, несомненно составлявших важную часть ее жизни, и беспокойство, которое я ощущала по прибытии в Смиттон, понемногу рассеивалось. Когда она сообщила мне о запланированных на следующую неделю обсуждениях и интервью, я поняла, что время, проведенное в Смиттоне, будет для меня продуктивным, насыщенным и интересным. Мое опасение, смогу ли я уговорить клиенток Дот откровенно рассказать мне, почему они любят читать любовные романы, оказалось безосновательным, и после короткого периода взаимной неловкости мы перешли к честному открытому обсуждению. Дот необычайно помогла мне, представив присутствующим так: «Джен — всего лишь такой же человек, как и мы».

Хотя было заметно, что пришедшие на встречу женщины не привыкли анализировать свои чувства, тем не менее они добросовестно пытались найти слова, чтобы выразить свое восприятие и свои оценки и помочь мне понять, почему они любят читать любовные романы и считают это занятие полезным для себя.

За первую неделю я провела два четырехчасовых обсуждения с шестнадцатью наиболее активными покупательницами Дот. Все они вызвались прийти, узнав от нее про предмет моего интереса. Остальные шесть ранее соглашались участвовать, но в тот момент были в отпусках со своими семьями. Эти первые обсуждения носили свободный характер и были посвящены в основном общим проблемам, предложенным для коллективного обсуждения (их список см. в Приложении 1). Поначалу, когда читательницы по очереди отвечали на вопросы, казалось, смущение мешало им высказываться прямо. Когда же участницы наконец освоились, не соглашаясь друг с другом и друг другу противореча, все радостно обнаружили, что тем не менее во многом их мнения сходятся, разговор потек более естественно. Оба обсуждения были записаны на пленку. Я также провела индивидуальные интервью с пятью участницами, которые лучше всех умели выражать свои мысли и проявляли больший интерес к предмету разговора. Их я тоже записала на пленку. Вдобавок я долго говорила в неформальной обстановке с самой Дот, и мы провели пять бесед, где я просила ответить на мои вопросы. Шестнадцать читательниц, вместе с еще двадцатью пятью, которых опросила сама Дот в книжном магазине, заполнили пилотажную анкету, разработанную мной до отъезда из Филадельфии (см. Приложение 2).

Вернувшись из Смиттона, я прочитала все упомянутые в интервью любовные романы, что смогла достать, расшифровала пленки и свой полевой дневник, который вела в поездке. Просматривая полученные материалы, я поняла, что многие существенные вопросы я не задала, а кроме того, предлагая варианты ответа, не всегда включала в этот список самые подходящие. Поэтому мне пришлось переделать всю анкету целиком, и в середине осени 1980 года я отослала Дот пятьдесят экземпляров по почте. Я попросила передать их постоянным покупателям (тем, кого она знала и с кем часто делилась впечатлениями о прочитанном), не давая при этом никаких указаний, помимо обозначенных в самом опросном листе и в прилагавшемся к нему письме с разъяснениями. В начале февраля 1981 года, во время моего второго посещения Смиттона, она вернула мне сорок две заполненные анкеты.

На этот раз я провела неделю в семье Дот, видя ее ежедневные занятия и постоянно общаясь с ней. Тогда же я провела три полных дня в книжном магазине, имея возможность наблюдать за ее контактами с покупателями и самой побеседовать с ними в неформальной обстановке. Я повторила интервью с теми же пятью читательницами, что и в прошлый раз, уточнив не совсем понятные места и проверив уже сформулированную мною гипотезу. Мы много говорили с Морин, одной из наиболее активных читательниц, которая недавно сама начала писать любовные романы.

Понятно, что жительницы Смиттона не отвечают научным критериям случайной выборки. Таким образом, выводы из этого исследования лишь с большой осторожностью могут быть экстраполированы на всех читателей любовных романов. Их следует рассматривать как гипотезы, подлежащие систематической проверке на гораздо более обширной группе читателей, члены которой никак не связаны между собой. Но я все же решила провести свое исследование в Смиттоне, несмотря на очевидную ограниченность его выводов, по следующим двум причинам.

Первая заключается в том, что Дот удалось добиться неоспоримого общенационального успеха на поприще рецензирования любовных романов. Вторая — в том, что исследуемая группа была уже сформирована и отобрана сама собой. Постоянные покупательницы Дот все время обращались к ней за советом, *поскольку* считали, что их взгляды на любовный роман совпадают. Они привыкли доверять ее оценке и полагаться на ее помощь при поиске книг. Женщин устраивает такой способ отбора, благодаря нему они перестают зависеть от книг определенной серии, например «Арлекинов», которые с некоторых пор стали казаться им оскорбительными и неприятными. Покупая только те книги, которые их устраивают или которые, по их мнению, должны понравиться им, читательницы получили возможность влиять на издателя. В исследованной группе вкусы и привычки могут существенно разниться, но все женщины сходятся в одном: Дороти Эванс правильно понимает, чего они ждут от книги.

Поведение этой группы наводит на мысль, что, составив выборку из издаваемых в Америке любовных романов, проанализировав их сюжет и определив «мессидж», заложенный в этом жанре, мы не сможем на этой основе сделать общие выводы о культурном значении феномена любовного романа. Хотя издатели и используют методы полупрограммируемого про-

изводства с целью свести к минимуму несовпадение потребностей читателей с тем товаром, который им предлагается купить, — все же между авторами, издателями и потребителями в этой индустрии по-прежнему остается большой разрыв. Следовательно, необходимо помнить, что любовный роман *не есть* интерпретация вкусов читателей. Переход на профессиональное производство радикально снизил распространенность такой формы досуга, как пересказ разных историй и баек в своем кругу, а потому нет никакой возможности узнать наверняка, похожи ли потребляемые анонимной публикой произведения на те, которые они бы создали для самих себя и друг для друга, если бы не имели возможности их купить.

Успешный сбыт и потребление профессионально произведенного для массового рынка товара говорит о том, что издателям удалось предложить продукт, как-то отвечающий потребностям читателей, однако отсюда нельзя заключить, что каждый покупатель считает приемлемой интерпретацию описываемых в каждом отдельном тексте событий. Из ответов участниц моего исследования в Смиттоне ясно следует, что все они обладают совершенно различными вкусами, которые далеко не всегда удовлетворяются издателем. Однако корпорации, подстраиваясь под те немногие предпочтения, которые объединяют всю их аудиторию, разработали продукт, минимально удовлетворяющий читательниц. Более того, поскольку жительницы Смиттона испытывают острую необходимость в романтическом вымысле и чаще всего не могут удовлетворить ее с помощью собственного воображения, они часто покупают и читают книги, которые им не очень нравятся или совсем не нравятся. Как объяснила одна читательница: «Иногда даже плохая книга лучше, чем ничего». Таким образом, факт покупки не обязательно означает одобрение продукта; в отношении массовых товаров он вполне может свидетельствовать лишь о существовании потребности, которая, возможно, удовлетворяется не полностью.

Поскольку издатели не смогли добиться полного соответствия между предлагаемым товаром и желаниями всех своих потребителей, любительницы чтения в Смиттоне решили, что им удобнее будет довериться посреднику, который бы отбирал из огромного количества текстов наиболее подходящие, и уже из них читательницы смогут свободно выбирать сами. Итак, поскольку при покупке книг женщины, прибегая к помощи посредника, отбирают из множества книг какие-то определенные романы, можно сделать следующий вывод: если мы хотим

понять значение феномена любовного романа, необходимо сначала описать его аудиторию и то, что она понимает под любовным романом. Несмотря на очевидную формульность этого жанра, *сами читательницы* видят важные различия между отдельными его образцами, и эти различия играют решающую роль при выборе. Необходимо признать существование этой избирательности при покупке массового товара и попытаться понять, по каким критериям происходит отбор, а также от каких особенностей романа эти критерии зависят¹. Смиттонские читательницы составляют всего лишь небольшую и сравнительно однородную группу, воспринимающую любовные романы определенным образом. Их предпочтения можно попробовать распространить на женщин со сходными демографическими характеристиками и образом жизни, однако было бы неверно предполагать, что их отношение к романтической прозе могут разделять женщины из других социальных кругов, с другим образованием и окружением. К примеру, из моего исследования нельзя сделать выводы о значении чтения любовных романов для женщин с высшим образованием, работающих в профессиональной области, где доминируют мужчины.

Привычки и читательские предпочтения смиттонских жительниц сложным образом связаны с их ежедневными занятиями, которые, в свою очередь, определяются их образованием, социальной ролью и классовым положением. Большинство читательниц Смиттона — замужние женщины, имеющие детей и живущие в отдельных домах, широко и беспорядочно раскинувшихся в предместье второго по величине города штата (850 тысяч населения в 1970 году), расположенного на Среднем Западе². Смиттон, несмотря на окружающие его кукурузные поля, — урбанизированный район. В 1970 году его население приближалось к 112 тысячам человек, что на 70 процентов больше, чем зафиксировала перепись населения 1960 года. Это в основном «спальный» район, в том смысле, что 90 процентов проживающего здесь работающего населения трудятся вне города. Не так давно, в связи с постройкой торгового центра, где сейчас служит Дот, ситуация несколько изменилась, но городок все равно почти целиком состоит из жилых кварталов, состоящих преимущественно из многоквартирных домов (90—95 процентов).

Семья Дот живет в недавно отстроенном квартале. Когда я в последний раз приезжала в Смиттон, в ее большом двухэтажном доме, украшенном вышивкой и поделками, которыми хозяйка увлекалась, пока дети были маленькими, проживали:

Дот, ее мать, муж Дэн и старшая дочь Кит. Двое других детей, девятнадцатилетняя замужняя Дон и Джо, которому двадцать один год, уже отделились от семьи. На момент проведения исследования Дот было сорок восемь лет. Дэн — сантехник по свободному найму. Он озадачен увлечением жены любовными романами и в то же время горд ее успехами в книжном магазине. Он тоже иногда почитывает триллеры или какие-нибудь мемуары, но в основном проводит свободное время вместе с товарищами по работе или возится по дому.

Сейчас Дот — деятельная и уверенная в себе женщина, однако, как ей кажется, такой она была не всегда. По ее словам, она сильно изменилась за последние несколько лет, и относит эту перемену на счет чтения и работы с людьми в книжном магазине. На вопрос, как она начала читать романы, Дот ответила, что идею ей подал семейный врач. Пятнадцать лет назад он посоветовал ей найти какое-то приятное хобби, которому она могла бы посвятить по крайней мере час в день. Он не указывал конкретно на чтение. Его волновало ее физическое и эмоциональное истощение, причиной которого, по-видимому, стала ее слишком рьяная и самоотверженная забота о доме, муже и трех маленьких детях. Когда врач спросил Дот, что в течение дня она делает для себя, она не смогла ответить и перечислила *только* то, что делает для других. Врач заметил, что если она не хочет оказаться в больнице, то должна посвящать часть времени себе. Вспомнив свое детское увлечение книгами, Дот решила взяться за чтение. Так возник ее интерес к любовным романам. Поначалу Дот читала много разных книг, но вскоре, по причинам, которые ей так и не удалось сформулировать, она все чаще стала покупать книги именно этого жанра. Дот очень увлеклась и вскоре обнаружила, что один магазин не в состоянии обеспечить ее всеми новинками любимых авторов, и потому ей пришлось покупать книги сразу в четырех. Большинство ее покупательниц тоже рассказывали, что раньше, до знакомства с Дот, они поступали так же. Некоторые из них до сих пор не пропускают ни одной распродажи в надежде найти ранние произведения авторов, которых они открыли для себя недавно.

Дот так и осталась бы одной из многих «тихих» читательниц, если бы дочь не предложила ей устроиться на работу в книжный магазин, чтобы использовать накопленные знания. Сначала Дот не решалась выйти в свет, но в конце концов собралась с силами и скоро нашла место в местном филиале сети магазинов, где она работает и до сих пор. Дот обнаружила, что

получает огромное удовольствие от общения с другими читательницами, и вскоре, став увереннее, начала давать советы самым нерешительным. В первом выпуске своего информационного бюллетеня Дот рассказала, что ее побудило писать отзывы на любовные романы:

Скоро я обратила внимание, что постоянные покупательницы специально подходят ко мне посоветоваться насчет книг. Кроме того, начальник отдела заметил резкий рост продаж любовных романов. [...] Так начались интервью и заметки в периодике, которые привлекли еще больше внимания к моему «экспертному мнению».

Идея создания информационного бюллетеня и публикации рейтинга вышедших за месяц книг принадлежит моей дочери. Она подумала, что так я смогу сделать эти сведения доступными для большего числа читательниц. Как всем известно, цены на книги растут, а обложка далеко не всегда позволяет верно оценить содержание книги³.

В апреле 1980 года Дороти Эванс с помощью своей дочери Кит опубликовала первый выпуск «Дневника читателя любовных романов». Правда, ее несколько смущала взятая на себя роль критика-посредника, поэтому в своем вступительном слове она объяснила, что решилась на такой шаг, видя, как остро нуждаются в этом покупатели, а система производства не способна им помочь. «Я знаю многих женщин, — говорит она, — которые, как и я, давно пристрастились к чтению, чтобы убежать от ежедневных забот. Я считаю, что это очень помогает и к тому же обходится куда дешевле, чем транквилизаторы, алкоголь или вызывающие привыкание телесериалы, которые, по мнению многих моих читателей, очень скучны». Она добавила, что хочет отделить «лучшие или просто хорошие книги от менее удачных, чтобы сэкономить время и деньги читателей». «В то же время, — заявила она, — я ни в коем случае не хочу лишить наших леди права на собственный выбор — лишь поделиться собственным опытом»⁴.

Не стремясь занять место авторитарного критика, Дот всегда осторожна в высказывании своих оценок. Ее первый вопрос к женщине, обратившейся к ней за советом, направлен на то, чтобы понять, какого типа книги той нравились раньше. «Ес-

ли они по моей части,— рассказала она мне в одном из интервью,— то я спрашиваю дальше: «Ну ладно, а какая книга из недавно вами прочитанных — интересная?» Если она может ответить, у меня есть от чего отталкиваться». Ее помощь, подобно методам полупрограммируемого производства, основывается на выявлении уже сформировавшихся, хотя не осознанных до конца предпочтений читателей, которые она затем пытается удовлетворить, выбирая из огромного ряда опубликованных работ подходящие. Дот справляется с этим лучше, нежели находящиеся за тридевять земель издательские фирмы, которые пытаются достичь той же цели путем исследования рынка, она же, в отличие от далеких издателей, сама влияет на процесс выбора в момент покупки.

Успех Дот объясняется, во-первых, тем, что она знает изнутри все разновидности любовных романов, потому что сама зачитывается ими, и, во-вторых, тем, что никогда не давит на читателей и не старается изменить их вкусы. Это становится особенно хорошо заметно в тот момент, когда она наконец предлагает покупателям несколько книг на выбор. «Иногда,— рассказывает она,— люди говорят: “Ну, а по *вашему* мнению, какая из этих трех книг лучше?”» Ее ответ указывает на глубину ее уважения к индивидуальности читателей и авторов романов, хотя о таких читателях обычно говорят «они как все», а авторы находятся в тисках канонов «формульной» литературы:

Я говорю: «Эти книги не похожи друг на друга, написаны разными авторами, место действия тоже совершенно другое, как же я могу сказать, что этот роман вам понравится больше, чем тот, если они абсолютно разные». [Но покупательницы все время настаивают:] «А вам какой больше понравился?» Тогда отвечаю: «Не пытайтесь меня так поймать, потому что это все равно неправильно». Больше я ничего не говорю. Надо выбирать, потому что иначе превратишься в овцу. Понимаете, мне нравится, когда кто-нибудь из женщин говорит: «Знаешь, мне та книга как-то не очень». И я спрашиваю: «Да? А что так?»⁵

Поскольку Дот безразлична неудовлетворенность читательниц некоторыми поступающими из Нью-Йорка книгами, и в то же время она знает об их желании найти именно то, что по душе, она взяла на себя роль, которая, по сути, сводится

к упрощению товарообмена, и это выгодно как производителю, так и потребителю. Вместе с тем Дот стремится найти и подчеркнуть внутрижанровые различия, который сами издатели постоянно пытаются нивелировать и стандартизировать. Возможно, она и не ставит перед собой осознанной цели научить читательниц выбирать, но постепенно приходит именно к этому. Она сообщает, к какому историческому периоду относится сюжет, говорит, сколько там сексуальных сцен и есть ли описания жестокости и насилия, а также рассказывает о характере отношений героя и героини, тем самым информируя читательницу о тех важных аспектах, по которым почти все женщины судят о качестве любовного романа.

Дот не только стремится узнать индивидуальные вкусы читателей, уважая их личные пристрастия, она выполняет еще одну важную функцию. Теперь успешно защищает увлечение женщин любовными романами от них самих, хотя, возможно, раньше ей это не всегда удавалось. На первый взгляд такое утверждение может показаться бессмысленным, ведь множество покупателей приходят к ней именно в поисках любовных романов, но, по мнению Дот, часто женщины чувствуют себя виноватыми, тратя деньги на книги, которые постоянно высмеивают в прессе и дома — их мужья и дети. Дот предлагает читательницам гордиться своим увлечением и подсказывает, как дать отпор мужчинам, считающим свой вкус образцом для подражания. Если жена читает, а муж часами смотрит по телевизору спортивные передачи, задает Дот риторический вопрос, то есть ли между этими занятиями какая-то разница? Таким образом, Дот предлагает женщинам эффективный аргумент в защиту времяпрепровождения, которое им по душе, но которое общество осуждает, считая фривольным и несколько, если не открыто, порнографическим.

Стремление Дот во что бы то ни стало защитить право покупательниц получать свое безобидное удовольствие так, как им это нравится, есть выражение ее глубокого убеждения, что женщины слишком часто становятся объектом критики и необоснованных насмешек. Хотя Дот и не является феминисткой в общепринятом значении этого слова, она прекрасно знает, что мужчины веками считали женщин ниже себя; она умеет красноречиво говорить на эту тему и не стесняется это делать. Во время моего второго приезда в Смиттон она призналась мне, что очень хорошо понимает, почему женщины настаивали на принятии либеральных законов об абортах. И добавила, что, хотя ее искренние религиозные убеждения не позво-

лили бы ей самой к нему прибегнуть, все женщины должны иметь право управлять своим телом и *выбирать*, быть ли матерью. Она также считает, что женщина должна иметь право на труд и уж в любом случае он должен оплачиваться так же, как и мужской. Многие наши разговоры перемежались негодующими замечаниями Дот о том, что к женщинам часто относятся как к ребячливым, невежественным существам, способным работать только по дому да смотреть мыльные оперы.

Зачатки феминизма во взглядах Дот находятся на первый взгляд в глубоком противоречии с ее выбором литературного жанра, конечная цель которого, как кто-то проницательно заметил, — утверждать мысль, что «все, что нужно женщине, — это мужчина»⁶. Я не собираюсь отрицать традиционализм романтической прозы, но важно отметить, что Дот, как и многие другие читатели и авторы любовных романов, воспринимают их как хронику женских побед. В деталях мы обсудим это позже; здесь же удовлетворимся замечанием, что, по мнению Дот, хороший роман — тот, где показана умная и активная героиня, умеющая найти мужчину, способного оценить ее неповторимость, любить ее и заботиться о ней так, как ей этого хочется. Дот усматривает в таком финале мысль, что брак и женская независимость — совместимые, а вовсе не взаимоисключающие понятия. Больше всего она ценит и рекомендует другим те романы, в которых главная героиня — «сильная», «пламенная», способная «бросить вызов» герою, смягчить его и показать ему ценность любви и заботы о другом человеке.

Упомянуть об этом было здесь совершенно необходимо для формирования адекватного представления о личном влиянии Дот на ее покупателей и на их предпочтения в романтической прозе. Поскольку Дот — необыкновенно сильная женщина, уверенная в возможностях своего пола, она не только поддерживает своих покупательниц, провозглашая их право на удовольствие, но и утверждает правомерность их общего увлечения. По моему мнению, предлагая читательницам такую поддержку — в чем они очень нуждаются, — Дот оказывает на них влияние, которое нельзя не учесть. Проявляя интерес к ним и их потребностям и выбирая для них книги с необыкновенными главными героинями, она подкрепляет положительную самооценку покупательниц. Таким образом, невозможно точно определить, по какой причине женщины Смиттона имеют сходные с Дот взгляды на «хорошие» и «плохие» романы — то ли потому, что Дот сама их сформировала, то ли она просто самый яркий их выразитель. Тем не менее стоит отметить, что эта

группа читательниц предпочитает такие романы, содержание которых может быть интерпретировано как противостояние угнетению и эмоциональному одиночеству женщин в реальном мире. Любовные романы рисуют перед Дот и ее читательницами утопическую картину, в которой женская индивидуальность и самостоятельность показаны как совместимые с потребностью в нежности и заботе со стороны другого человека.

В моем анкетном опросе принимали участие только женщины. Дот рассказала, что именно женщины постоянно обращаются к ней за советом, хотя она подозревает, что некоторые мужчины, покупающие романы «для жены», на самом деле читают их сами. Хотя те редкие издательства, которые проводили исследования рынка, не сообщают точных данных о своей аудитории, сотрудники «Арлекин», «Силуэт» и «Фосетт» независимо друг от друга заявляют, что большинство читателей любовных романов составляют замужние женщины в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет. К примеру, Фред Кернер, вице-президент компании «Арлекин», недавно сообщил Барбаре Бротман из «Чикаго трибьюн», что «почти все читатели книг «Арлекин» — женщины, из которых 49 процентов работают вне дома по крайней мере часть дня. Их возраст — от 24 до 49 лет, средний семейный доход — 15–20 тысяч долларов. Все они окончили школу, но не получили высшего образования»⁷. Больше «Арлекин» ничего о своей аудитории не сообщает, но один из сотрудников все же сказал Маргарет Дженсен, что распределение читающей публики «Арлекин» по возрасту, семейному доходу, месту работы и месту жительства совпадает с такими же данными для всего англоязычного женского населения Северной Америки⁸. К примеру, он сказал, что 22 процента женского населения страны и столько же — потребителей продукции «Арлекин» находятся в возрасте от 25 до 34 лет. Кэрол Рео, директор по рекламе серии «Любовные романы Силуэт», также отметила, что их читатели в основном женщины, но при этом добавила, что 65 процентам потенциальных читателей «Силуэт» меньше сорока, а 45 процентов учились в колледже⁹. Если эти, кое-что проясняющие детали верны, то может статься, читатели из Смиттона скорее принадлежат аудитории «Силуэт», нежели «Арлекин»¹⁰. К сожалению, недостаток подробной информации об американской читательской публике в целом невероятно усложняет оценку применимости выводов, сделанных на основе изучения группы читателей в Смиттоне. Одно ясно — они значительно моложе описанных Дженсен читателей «Арлекин» или же «Миллс и Бун».

Возможно, именно разницей в возрасте объясняется то, что ни Дот, ни ее покупательницы не являются поклонницами «Арлекин». Правда, Дот включает книги «Арлекин» в свои обзоры, и чуть больше половины опрошенных (двадцать четыре) сообщили, что иногда читают их, — восемнадцать тем не менее заявили, что *никогда* не читают любовных романов «Арлекин». Более того, всего десять упомянули романы «Арлекин» среди любимых книг. Больше всего читательницам нравятся исторические любовные романы — об этом рассказали двадцать читательниц (сорок восемь процентов), отвечая на вопрос, какие разновидности жанра они предпочитают¹¹. Поскольку в них обычно бывает больше сексуальных сцен, нежели в «Арлекин», и в среднем чаще встречаются независимые и вызывающие героини, можно предположить, что исторические любовные романы привлекают более молодых читательниц, которые терпимее относятся к меняющимся правилам поведения. Подтверждением этому служит тот факт, что лишь две женщины, указавшие, что им нравятся романы «Арлекин», упомянули также и исторические романы.

Кроме того, группе читательниц из Смиттона, похоже, нравятся также современные любовные романы-загадки и просто современные любовные романы, об этом упомянули двенадцать читательниц. «Силуэт» выпускает современные романы, которые так же, как и исторические, менее традиционны. Дело не только в открытом описании сексуальных сцен, но и в том, что в них главные героини часто стремятся сделать карьеру и не собираются ее бросать после свадьбы. Сходство между вкусами читательниц из Смиттона и содержанием романов «Силуэт» может, таким образом, объяснить, почему аудитория, предпочитающая современные романы, подобно той, что любит исторические, моложе аудитории сравнительно более уравновешенных книг «Арлекин».

Несмотря на расхождения в различных отчетах, привычка к чтению любовных романов, по-видимому, напрямую связана с возрастом ранней взрослой жизни и начала средних лет. Это подтверждают и ответы жительниц Смиттона: на вопрос, когда они начали читать любовные романы, пятнадцать женщин (36 процентов) ответили, что заинтересовались ими в подростковом возрасте — между десятью и девятнадцатью годами, шестнадцать (38 процентов) — между двадцатью и двадцатью девятью. Еще десять (24 процента) приобрели эту привычку после тридцати лет¹².

Тридцать две женщины из опрошенных (76 процентов) были в тот момент замужем, что почти в точности соответствует 75 процентам замужних женщин, входивших в группу, опрошенную Дженсен¹³. Еще три женщины из опрошенных (7 процентов) были не замужем и пять — либо вдовами, либо разведенными (не вышедшими второй раз замуж), всего — 12 процентов.

Кроме того, большинство читательниц Смиттона имели детей *младше* восемнадцати лет (70 процентов). Только пять написали, что у них нет детей (12 процентов). Девять женщин (21 процент) сообщили, что у них только один ребенок; двенадцать (29 процентов) — что два; у одиннадцати (27 процентов) было трое детей и у трех (7 процентов) — четверо. Интересно, что только у пяти женщин (12 процентов) были дети моложе пяти лет, в то время как у двадцати четырех был по крайней мере один ребенок младше восемнадцати лет. Одиннадцать (27 процентов), однако, сообщили, что все их дети старше восемнадцати. Пятнадцать (36 процентов) имели детей в возрасте десяти — восемнадцати лет, а еще у пятнадцати (36 процентов) был хотя бы один ребенок старше восемнадцати. То, что у опрошенных в Смиттоне женщин такие взрослые дети, совсем не удивительно, если принять во внимание возраст самих женщин и возраст их вступления в первый брак — 19,9 лет.

Как я уже говорила, немногочисленность группы и недостаток подтверждающей информации из других источников заставляет быть осторожным при формировании гипотезы. Тем не менее можно сказать, что в группе читательниц из Смиттона прослеживается связь между увлечением женщин чтением и возрастом детей¹⁴. Это кажется логичным, поскольку более старшие дети большую часть времени проводят в школе и у матерей остается больше свободного времени, несмотря на то что взрослеющие дети требуют больших эмоциональных затрат, заботы и внимания. Позже мы увидим, что именно к этой эмоциональной опустошенности, вызванной необходимостью постоянно проявлять заботу о муже и детях, напрямую обращаются любовные романы — по крайней мере, так считают сами женщины.

Учитывая, что у пятнадцати участниц опроса (36 процентов) были дети младше десяти лет, неудивительно, что шестнадцать (38 процентов) сообщили, что прошлую неделю они полностью посвящали себя работе по дому и/или занимались детьми. Девять (21 процент) заявили, что работали вне дома на полставки, в то время как еще девять (21 процент) — на пол-

ную ставку. Еще две женщины не ответили на этот вопрос, две указали, что они на пенсии, одна написала о себе, что она учится, а три — что сейчас безработные и ищут работу. Эта статистика, кажется, подтверждает исследование «Миллс и Бун», которое выявило, что 33 процента опрошенных были домохозяйками, 30 процентов — совмещают ведение домашнего хозяйства с работой вне дома на пол- или на полную ставку. Оба исследования показывают, что чтение романов очень часто втиснуто в тесное расписание дня.

Замечание Фреда Кернера о среднем доходе читателей «Арлекин» в 15–20 тысяч долларов не очень информативно, но по крайней мере не противоречит тому, что сообщили мне покупательницы Дот. Хотя четыре из них (10 процентов) и не ответили на этот вопрос, восемнадцать (43 процента) написали, что их доход лежит где-то между 15 000 и 24 999 долларов. Еще четырнадцать (33 процента) сообщили, что совокупный доход в их семьях составляет от 25 000 до 49 999 долларов, а четыре (10 процентов) — что свыше 50 000 долларов. Такой довольно высокий уровень семейных доходов объясняется, скорее всего, тем, что книжный магазин Дот находится в одном из двенадцати самых богатых округов штата (всего их 115). По данным переписи населения США, проведенной в 1970 году, средний семейный доход в Смиттоне составлял 11 000 долларов, в то время как средний доход по штату был немного ниже 9 000 долларов.

Прежде чем перейти к описанию характера чтения опрошенных в Смиттоне женщин, стоит отметить, что ровно половина из них написала, что окончила среднюю школу. Десять женщин (24 процента) сообщили, что учились менее трех лет в колледже, восемь (19 процентов) — что закончили колледж. Только одна читательница не окончила среднюю школу; еще две не ответили на вопрос. Видно, что читатели в Смиттоне не только богаче аудитории «Арлекин», но и лучше образованы — корпорация «Арлекин» утверждает, что средний уровень образования их читателей даже ниже среднестатистического по стране.

И еще одна, последняя деталь, которую стоит упомянуть: среди покупателей Дот отмечается довольно высокий показатель посещения религиозных служб. Хотя восемь женщин (19 процентов) и написали, что за последние два года ни разу не были на службе, пятнадцать (36 процентов) сообщили, что бывают там «один раз в неделю или чаще», а еще восемь (19 процентов) — что «один или несколько раз в месяц». Еще девять (21 процент) ходили на службы несколько раз в год; две (5 про-

центов) не ответили на вопрос. Женщины сообщали, что принадлежат к различным конфессиям. Восемь (19 процентов) написали, что они относятся к методистам, еще восемь (19 процентов) поставили пометку напротив пункта «Христинанка, но не принадлежу какой-либо конфессии». Следующими по численности группами были католики и баптисты, по пять ответов (12 процентов).

Изучив *истории* приобщения жительниц Смиттона к любовным романам, можно сделать вывод, что для многих из них чтение романов — это способ проведения свободного времени, привычный с детства. В самом деле, двадцать две читательницы Дот ответили, что начали читать для удовольствия в возрасте до десяти лет. Еще двенадцать (27 процентов) приобрели эту привычку между одиннадцатью и двадцатью годами и лишь семь (17 процентов) заявили, что начали читать уже после двадцати семи. Эти результаты сходны с теми, которые были получены ранее во время исследований, проведенных в 1965 году Филиппом Эннисом и посвященных формированию привычки к чтению. В нем выяснилось, что из 49 процентов жителей США, являющихся «актуальными читателями», 34 процента приходится на тех, кто начал читать очень рано, а 15 — на тех, кто увлекся чтением уже в зрелом возрасте¹⁵.

Однако если изучать *нынешние* привычки читателей по ответам участниц опроса в Смиттоне, то становится понятно, что чтение именно любовных романов является важной составляющей их ежедневных занятий. Пристрастие к чтению этих книг позволяет предположить, что они отвечают глубинным психологическим потребностям женщин. В самом деле, одно из важнейших открытий, которое я сделала во время исследований, проведенных в Смиттоне, заключалось в том, что тридцать семь опрошенных (88 процентов) неукоснительно читают каждый день. Только пять участниц сообщили, что читают скорее sporadически. Двадцать две женщины заявили, что читают более 16 часов в неделю, а еще десять (24 процента) заявили, что читают от одиннадцати до пятнадцати часов в неделю¹⁶. Когда их попросили описать, как они читают только что купленный роман, одиннадцать (26 процентов) поместили вариант ответа «Я не отложу его, пока не закончу, разве что по крайней необходимости». Еще тридцать поместили «Прочту столько, сколько успею до того, как меня прервут или у меня появятся другие дела». Вариант ответа «читаю по нескольку страниц в день, пока не закончу» не отметил никто, и только одна сообщила, что читает по настроению. Эти цифры позволяют

предположить, что женщины глубоко погружаются в развитие сюжета и, начав читать, не хотят возвращаться в реальную жизнь, не пережив развязки конфликта.

Это стремление увидеть развязку истории, которая вызывает такую бурю эмоций, оказывается столь сильно, что многие смиттонские читательницы даже изобрели изощренную стратегию, чтобы ничто не мешало им читать и дочитывать книгу до вожаделенного конца. Они делят романы по многим признакам, но самое элементарное деление делается по принципу: «быстрое чтение» и «толстые книги». «Быстрое чтение» — это книги объемом менее двухсот страниц, на них требуются не более двух часов. «Арлекины», «Силуэты» и почти все «Регенты» считаются быстрым чтением, пригодным на тот случай, когда заранее очевидно, что «большую книгу» не осилить. К примеру, если женщина только что дочитала один роман и «еще не готова остановиться», как выразилась одна из участниц моего опроса, «она возьмет роман потоньше», который сможет закончить перед сном. «Толстые книги», напротив, берегутся на выходные или на длинные одинокие вечера — по той же самой причине: женщины не хотят прерывать чтение до наступления развязки. Такое чтение без помех очень высоко ценится участницами опроса, поскольку связывается в их сознании с возможностью побыть с собой наедине¹⁷. Подробное исследование значения развязки интриги и эмоционального конфликта в любовном романе мы отложим до четвертой главы, где будет подробно изучена его структура и воздействие на читательниц, здесь мы отметим лишь, что уловки, к которым прибегают женщины, чтобы никто не мешал им во время чтения, свидетельствует об их глубокой потребности дочитать историю до *конца* и таким образом получить эмоциональное вознаграждение, которое они заранее предвкушают.

Необыкновенная степень заинтересованности опрошенных женщин в книгах этого жанра может быть проиллюстрирована количеством любовных романов, которое они прочитывают за неделю. Более трети — пятнадцать покупательниц — сообщили, что «проглатывают» от пяти до девяти любовных романов в неделю, при том что двадцать шесть (62 процента) заявили, что сверх того читают от одной до четырех книг — *не любовных романов*. Еще двадцать две (55 процентов) читали от одного до четырех романов в неделю, а четыре рассказали, что за то же время успевали закончить от пятнадцати до двадцати пяти. Эта последняя цифра совершенно неправдоподобна, так как означает, что за месяц число прочитанных книг подбира-

ется к сотне. Мне это кажется сомнительным, так как на момент проведения исследования в месяц выпускалось куда меньше. Конечно, женщины могли читать старые романы, но все равно эта цифра представляется преувеличенной. Тем не менее очевидно, что покупатели Дот прочитывают невероятное количество романов.

Хотя такое непрерывное чтение может показаться явлением необычным или исключительным, результаты уже упомянутого исследования Янкеловича показали, что поклонники любовных романов вообще активные читатели. Возможно, однако, что большинство из них не так поглощены чтением, как женщины в Смиттоне. К сожалению, вывод Янкеловича о том, что среднестатистический читатель любовных романов за шесть месяцев читает по девять романов, не позволяет ничего сказать о том, какова доля тех, кто успевает прочесть больше. Хотя 40 процентов увлеченных читателей (тех, кто за последние шесть месяцев прочитал более двадцати пяти книг) написали, что среди этого количества были и любовные романы, что позволяет предположить наличие связи между большим объемом чтения и увлечением любовными романами, это исследование не дает никаких указаний на то, сколько же читателей приближается к количеству, которое называли женщины из Смиттона, то есть от двадцати четырех до шестисот с лишним за шесть месяцев¹⁸. Строго говоря, роль романов в жизни смиттонских читательниц нельзя сравнить с той ролью, которую книги играют в жизни тех, кто читает от случая к случаю. Женщины Смиттона охотно тратят значительную часть каждого дня на опосредованное участие в событиях вымышленного мира, который, как они охотно признают, имеет мало общего с тем, в котором они живут. Ясно, что чтение непременно должно приносить им определенное удовольствие и давать возможность отдохнуть — маловероятно, чтобы такое количество времени и денег тратилось на то, что лишь помогает убить время.

Женщины подтвердили это в своих ответах на вопрос, почему они читают любовные романы. На просьбу выбрать в порядке убывания важности три самые главные причины из указанных восьми, девятнадцать опрошенных (45 процентов) отметили желание «просто снять напряжение» как первую причину. Восемь (19 процентов) написали, что читают романы, поскольку «чтение — только для меня, это время, которое я трачу на себя». Еще шесть (14 процентов) сказали, что им хочется больше узнать про «далекие страны и эпохи», а пять (12

процентов) сообщили, что самое главное для них — уйти от ежедневных проблем. Частотные характеристики первой, второй и третьей по важности причины приведены в таблице 2.1:

Таблица 2.1

Вопрос: Какая из перечисленных ниже причин лучше всего описывает, почему Вы читаете любовные романы?

a	Чтобы уйти от ежедневных проблем	13
b	Чтобы узнать про далекие страны и эпохи	19
c	Просто, чтобы снять напряжение	33
d	Потому что мне хотелось бы испытать такую же любовь, как героиня	5
e	Потому что чтение — только для меня; это время, которое я трачу на себя	28
f	Потому что мне нравится читать про сильных, зрелых людей	4
g	Потому что чтение любовных романов, уж по крайней мере, лучше других способов уйти от проблем	5
h	Потому что романтические истории никогда не бывают грустными и не наводят тоску	10

Даже на основании одних только этих схематичных ответов, как мне кажется, можно сделать вывод, что чтение любовных романов так ценится женщинами, поскольку доставляет им переживания, совершенно непохожие на будничные. Оно не только помогает избавиться от напряжения, вызванного множеством проблем и постоянно давящим над ними сознанием своей ответственности, но и создает особое время и пространство, в котором женщина полностью предоставлена самой себе, и может сосредоточиться на своих потребностях, желаниях и удовольствиях. Кроме того, это еще и способ перенестись в экзотическую, или, как уже говорилось, просто другую, обстановку.

Здесь необходимо отметить, что ответы на вторую анкету имеют ряд важнейших отличий от полученных мной в первой личной беседе. Во время моего первого визита в июне 1980 года, когда мы обсуждали причины чтения романтической литературы, чаще всего в репликах звучали слова «образование»

и «уход от проблем». Точно так же, на просьбу кратко описать в свободной форме, чем любовные романы «лучше» всех остальных, четырнадцать из тридцати одной женщины, ответившей на этот вопрос, *сами* указали на «уход от проблем». Важно отметить, что желание «снять напряжение» было упомянуто лишь одной участницей, а про личное пространство не сказал никто.

Варианты ответа *с* и *е* я включила во вторую анкету после того, как их высказали в личной беседе две необычайно вдумчивые читательницы, более подробно, чем другие, развившие мысль «ухода от проблем». Упомянутые два варианта казались им синонимичными с этим ответом, и тем не менее создавалось впечатление, что они предпочли бы ему какую-нибудь другую формулировку, чтобы в ней не так явно просматривалось желание избежать обязанностей и ответственности, неотделимых от реальной жизни. И хотя большая часть женщин, заполняя первую анкету, удовлетворилась вариантом ответа «уход от проблем», им тоже больше понравились альтернативные формулировки. Стоило предложить их в общих интервью, как все согласилось, что основная цель чтения романов — снять напряжение и сделать себе приятное. Поскольку такая перемена заставляет предположить существование некоего чувства вины, я решила включить во второй опрос два различных варианта этого ответа, которые больше понравились женщинам. И *с*, и *е* также подразумевают наличие желания избежать разных неприятных проявлений в окружающем мире ради какого-то иного, более приемлемого — выбор этих ответов свидетельствует о том, что чтение воспринимается как терапия и как источник опосредованного наслаждения, — и тем не менее женщины все равно предпочитают ответить так, нежели подтвердить свой первый спонтанный ответ, и это доказывает их сложное отношение к оправданности и ценности своего увлечения любовными романами¹⁹.

Еще одно подтверждение тому, что женщины ценят любовные романы за их транквилизирующее или же укрепляющее действие, можно найти в их ответах на вопрос о том, в какое время они любят читать и перечитывают ли понравившиеся книги. Двадцать четыре женщины (57 процентов), выбирая одно из семи утверждений, которое, на их взгляд, лучше всего описывает, в какое время они обычно читают, предпочли точному указанию более общее утверждение: «Сложно сказать, потому что я читаю, как только выдается свободная минута». Еще четырнадцать сообщили: они почти всегда читают по ве-

черам, в основном потому, что днем работают вне дома. Однако и в том и в другом случае книга не просто достается с полки от нечего делать, как старый журнал. Напротив, женщины считают чтение настолько приятным и полезным занятием, что всегда заранее включают его в свое напряженное расписание, причем как можно чаще.

Опрошенные женщины часто перечитывают понравившиеся им романы, причем преимущественно во время стресса и депрессии. Три четверти участниц ответили, что перечитывают любимые книги либо «иногда» (двадцать один ответ), либо «часто» (одиннадцать). Как они объяснили во время беседы, их тянет перечитать старые книги, когда им грустно, поскольку они знают, как то или иное произведение повлияет на их настроение. Питер Манн также обнаружил, что 46 процентов читателей из референтной группы, увлекающихся книгами «Миллс и Бун», перечитывают их «очень часто», а еще 38 процентов «иногда»²⁰. К сожалению, он ничего не говорит об их мотивации и времени дня, которое они выбирают для чтения. Конечно, может быть, они хотят глубже вникнуть в детали конкретного сюжета, но для читательниц из Смиттона это почти всегда неверно. Они совершенно осознанно связывают привычку перечитывать книги с желанием поднять себе настроение. Следующее замечание одной из читательниц, отвечавшей на первую анкету, наглядно демонстрирует связь, которую участницы моего опроса усматривают между возникающими в их будничной жизни потребностями и тем, что дает им чтение любовных романов: «Любовные романы никогда не вгонят в депрессию и никогда не испортят настроения. Я читаю, чтобы развлечься и выйти из круга ежедневных забот. Любовные романы — самый подходящий вариант. К тому же они восстанавливают присущий мне оптимизм, часто сильно подорванный в будничной жизни». Хотя все участницы моего исследования знают, что большинство любовных романов кончается хорошо, они часто не решаются начать новую книгу, если у них слишком плохое настроение, поскольку хотят отгородиться даже от такого малого риска. Вместо этого они обращаются к уже прочитанному, поскольку знают, какое действие возымеет на них его развязка. Можно сказать, что чтение романов ценится не только за разнообразие описываемых там приключений, но и за неизменность переживаемых ощущений²¹.

Интересно, что отношение участниц опроса к формульности рассматриваемой литературы противоречиво. С одной стороны, они не желают признавать сходства персонажей в этих

книгах. Например, Кит, дочь Дороти, в ответ на просьбу описать типичную героиню исторического романа, сказала: «Типичной героини нет, они все должны быть разными, иначе получилось бы, что ты все время читаешь одно и то же». Подобные мнения часто высказывали и другие читательницы, утверждая, что в романтической прозе они ценят разнообразие.

С другой стороны, те же самые женщины имеют довольно жесткие представления о том, что допустимо в любовном романе, и выражают разочарование и возмущение, когда эта негласная конвенция оказывается нарушенной. В первом интервью Дот рассказала об одной писательнице, приславшей своему издателю исторический роман. Хотя она неоднократно объясняла, что ее книга не относится к жанру любовного романа, издатель, у надежде привлечь огромную аудиторию поклонников романтической прозы, настоял на оформлении обложки, характерном для этого типа литературы. Писательница знала, что это настроит аудиторию против ее книги, и, по словам Дот, «не удивилась, получив множество гневных писем». Ясно, что романы не могут сильно разниться, если они должны нравиться одним и тем же читателям, поскольку те надеются встретить там определенных героев, определенные события, определенное развитие сюжета и получить ожидаемые впечатления.

Самой Дот часто приходится — хотя это не просто — преодолевать сложившиеся у читателей стереотипы, когда ей попадает роман, который, по ее мнению, должен им понравиться, но построен не так, как принято. Например, роман «Исполнение», который Дот очень понравился и поэтому она хотела рассказать о нем, но ей пришлось сочинить целую речь, чтобы заставить других купить эту книгу и дочитать ее до конца. Цитирую речь Дот: «Это замечательная книга — но не думайте, что там все будет, как всегда. Нет. В какой-то момент вам вдруг захочется отложить ее — и вы воскликните: «Дот не предупреждала об этом», — а я вам отвечу: «Не останавливайтесь, продолжайте читать». Все они потом подошли ко мне и сказали: «Вы были правы. Прочитав какую-то часть, я подумала, зачем это Дот посоветовала мне ее? Но, как вы говорили, не бросила, и она оказалась просто замечательной». Герой этой книги умирал после трех четвертей повествования, в этом и состояла проблема, но благодаря тому, что автор придумал непривычно сложный сюжет, включавший параллельное развитие отношений между героиней и другим, столь же привлекательным, персонажем, ее повторное замужество не вызыва-

ет у читательниц неприятия. Без умелой поддержки Дот, однако, большинство женщин не прочитали бы книгу дальше смерти героя.

В своем информационном бюллетене Дот также пытается обойти стереотипы в восприятии, сложившиеся у публики. Иногда она информирует профессиональное сообщество и читателей о книгах, которые сами авторы не называли любовным романом. Неправильная классификация, считает она, происходит из-за того, что издатели сами не до конца понимают, в чем особенности жанра любовного романа, поэтому слишком большое значение придают несущественным внешним признакам. Поскольку такая судьба постигла, например, «Видения проклятых» Жаклин Мартен, Дот решила предупредить читателей об ошибке в определении жанра. Ее объяснения дают важнейший ключ к пониманию того, что, по мнению читательниц, есть «правильный» любовный роман, пусть они и утверждают, будто ни один из них не похож на другой. О романе Мартен она написала: «Из-за своей обложки и названия его отнесли к «окультистским». Какая ошибка! «Видения» — лучшая любовная история из всех, прочитанных мною за последнее время. Найдите и прочтите ее — меня она привела в восторг»²². По мнению Дот, книга «Видения проклятых», хотя и повествует об экстрасенсах и реинкарнации, все же относится к любовным романам благодаря характерному построению сюжета. Как она объяснила, любовным романом эту книгу делает не обращение к теме любви, а, скорее, тип развития любовных отношений. В одном из последующих интервью Дот заметила: «Не все истории о любви — любовные романы». Некоторые, надо думать, — просто романы о любви.

Если серьезно рассмотреть все аргументы, содержащиеся в высказываниях смиттонских читательниц, то можно понять, что в первую очередь это история женщины, и в этом суть. Героиня выступает не просто объектом вождения главного героя, как, например, Дженни Кавилери в «Истории любви» Эриха Сигала, которую читательницы Смиттона не считают любовным романом. Жанр предполагает, что книга не просто должна повествовать о ходе ухаживания, но и показывать, *каково* быть их объектом. Читательницы Дот уверены, что это не обязательно достигается рассказом от лица героини, хотя именно так построено большинство романов. В частности, пять женщин сообщили, что им не нравится читать книги, написанные от лица героини, они предпочитают знать точку зрения героя, десять отмечают, что хотят знать обе, а двадцать три

написали, что не имеют каких-либо предпочтений относительно личности рассказчика. В то же время все женщины, с которыми я разговаривала, признают, что хотят отождествлять себя с героиней, пытающейся понять, предугадать и разобраться в неоднозначных проявлениях внимания к ней со стороны мужчины, который всегда ее не понимает. Цель чтения — пережить чувство тончайшего напряжения, ожидания и волнения, нарастающее по мере того, как читатель представляет себе возможные исходы и последствия встречи с представителем противоположного пола, а в конце видит, что героине в очередной раз удалось избежать нависшей опасности, поскольку герой влюбился в нее до потери сознания.

Пытаясь охарактеризовать любовный роман, женщины неизменно придавали большое значение *развитию* любовных отношений. Замечания читательниц — это вариации следующих двух определений:

Обычно герои повествования — мужчина и женщина, которых свели вместе те или иные обстоятельства, они *постепенно влюбляются друг в друга* и, объединенные общей целью, *вместе разрешают возникающие проблемы*. Эти книги — легкое и быстрое чтение, и всегда хорошо заканчиваются, что позволяет сбросить на время груз забот.

Мне кажется, [любовный роман] — это когда встречаются мужчина и женщина и между ними возрастает взаимопонимание. Кульминация их любви — когда мы узнаем, *сойдутся ли они или их любовь разрушится*, но они [герой и героиня] уже поняли, что любят друг друга [курсив мой].

Обсуждая отношения любовь-ненависть, типичные для жанра, женщины настойчиво подчеркивали, что эти отношения обязательно должны быть показаны в развитии. Поскольку в каждой любовной истории должен присутствовать конфликт, до поры до времени препятствующий соединению романтической пары, многие авторы выбирают непонимание или недоверие в качестве причины, по которой откладывается это счастливое событие. Сначала герой и героиня, несмотря на «влюбленность», открыто презируют друг друга, в основном из-за ревности или подозрений на счет намерений другого, что и рождает недоверие. Хотя во многих романах этот конфликт

разрешается как по мановению волшебной палочки, когда оба героя осознают, что развитию отношений препятствует одно только непонимание, читательницы из Смиттона считают такую развязку неубедительной. Когда за две страницы до конца романа героя внезапно осеняет, что он заблуждался насчет героини и то, что казалось ему ненавистью, на самом деле — глубокая привязанность, читательницам такие преобразования не нравятся, они предпочитают видеть постепенное преодоление героями взаимного недоверия и подозрительности и наблюдать их крепнущую любовь.

Хотя не все читательницы считают описание постепенного развития любовных чувств определяющим, тем не менее чуть больше половины (23 человека) включили его в список трех важнейших признаков жанра. Как можно догадаться, большинство женщин, отвечая на просьбу расположить сюжетные характеристики в соответствии с их значением для характеристики жанра, сошлись на том, что счастливый конец совершенно необходим. Двадцать две женщины поместили этот аспект как важнейший, выбрав его из одиннадцати возможных, а суммарно — на первое, второе или третье место — его поместили тридцать две участницы опроса. На второе место по количеству ответов попала «медленно, но верно развивающаяся любовь между героем и героиней», ее выбрали в качестве первого, второго или третьего по важности свойства двадцать три женщины. Почти такое же значение читательницы придают «некоторым сведениям о герое и героине уже после того, как они сошлись»²³. Двадцать две женщины посчитали это одной из трех важнейших составляющих любовного романа. Общая картина ответов приведена в таблице 2.2.

Очевидная важность счастливого финала дает основания предполагать, что любовные романы ценятся главным образом за способность поднимать настроение. Как следует из ответов, это связано с тем, что романы дают возможность читательнице пережить все этапы развития любовных отношений и — лучшие из них — позволяют ей насладиться их кульминацией, повествуя о совместной жизни героя и героини после того, как они вступили в неизбежный брак. Если учесть и сравнительно малую значимость подробных описаний сексуальных сцен, кажется очевидным, что читательниц из Смиттона интересует прежде всего детальная словесная прорисовка любовных отношений, заключающаяся в реинтерпретации неверно истолкованных поступков героев и во взаимных объяснениях в любви, а вовсе не словесное изображение сексуального контакта.

Таблица 2.2

Вопрос: Каковы три важнейшие составляющие любовного романа?

Ответ	Первый по важности	Второй по важности	Третий по важности	Суммарное количество
а. Счастливый конец	22	4	6	32
б. Большое количество любовных сцен с откровенным их описанием	0	0	0	0
в. Большое количество подробностей о далеких странах и эпохах	0	1	2	3
г. Долгий конфликт между героем и героиней	2	1	1	4
д. Наказание зла	0	2	3	5
е. Медленно, но верно развивающаяся любовь между героем и героиней	8	9	6	23
ж. Действие развивается в конкретный исторический период	3	4	3	10
з. Большое количество любовных сцен с некоторым откровенным их описанием	3	7	3	13
и. Большое количество любовных сцен без откровенного описания	0	3	1	4
й. Некоторые сведения о герое и героине уже после того, как они сошлись	1	7	14	22
к. Определенный образ героя или героини	3	4	3	10

Недавно Беатрис Фауст в своей книге «Женщины, секс и порнография» написала, что женская сексуальность характеризуется «чувственностью, она не сосредоточена на физиологии, ее питательной средой является забота со стороны мужчины и длительное развитие отношений, она имеет глубоко личную и в определенной степени моногамную направленность»; причины этого она видит как в биологической предрасположенности, так и в социальном воздействии культуры²⁴. В рассуждениях Фауст есть большие недостатки — когда она ссылается на биологию при объяснении сексуальных предпочтений женщин и когда делает вывод, что эти предпочтения характерны для всех женщин без исключения. Тем не менее ее утверждение, что изображения любовных сцен и откровенные описания, характерные для мужской порнографии, не производят впечатления на женщин, все же верно, по крайней мере для участниц моего опроса. Дот и другие читательницы больше интересуются любовными репликами героя и героини, обращенными друг к другу, нежели подробным описанием их физического контакта. Интересно, как женщины объясняют свою нелюбовь к откровенным описаниям любовных сцен, — они говорят, что предпочитают сами домысливать детали. Читательницы хотят быть свидетелями постепенного возрастания взаимной любви и доверия героев, видеть заботу о героине со стороны мужчины, осознавшего, что она «нужна» ему, — то есть для них главное — наблюдать любовное, нежное, заботливое и эмоционально открытое отношение к героине. Следует добавить, что такие предпочтения намекают и на существование не менее сильного желания увидеть зависимость мужчины от женщины.

Хотя покупатели Дот отказываются детально обсуждать, испытывают ли они сами сексуальное возбуждение по мере нарастания сексуального напряжения в любовном романе, тем не менее они с готовностью признают, что больше всего ценят возможность отождествить себя с героиней, стать ею и таким образом разделить ее удивление и все возрастающее удовольствие от столь пристального внимания со стороны человека, считающего ее ценной и достойной любви. Это предпочтение сформировало четко выраженные критерии отличия «хорошего» любовного романа от «плохого», они основаны прежде всего на том, как главный герой обращается с героиней.

В научно-популярной и даже научной литературе на тему индустрии массовых развлечений часто утверждается, что участники этого бизнеса цинично подстраиваются под вкусы

как можно большего количества людей с целью получения максимальной прибыли²⁵. Нередко это действительно так, однако некоторая часть книг все же пишется искренними людьми с совершенно благими намерениями, эти авторы сами являются потребителями такого рода литературы и поборниками заключенных в них ценностей. Несмотря на стремление издателей рационализировать производство любовных романов, для чего авторам предлагаются тщательно составленные «шпаргалки», этот жанр пока еще не отдан на откуп дельцам от литературы. Самые успешные авторы — не обязательно профессионалы, многие из них — любители, привлеченные к писательству желанием создать то, что им так нравится читать. Работы именно *этих* авторов чаще и больше всего нравятся участникам опроса.

К примеру, писательница Лавирл Спенсер в письме к читателям бюллетеня Дот вспоминала: «Свою первую книгу я сочинила благодаря одной уникальной женщине, Кэтлин Вудивисс, чья книга, «Цветок и пламя», до такой степени захватила меня, что я испытала желание тоже придумать историю, которая заставит женские сердца биться с нетерпением». Далее она говорит: «В какой-то момент я даже сказала себе, что хочу сделать это для нее, для Кэтлин, чтобы предложить ей такое же приятное чтение, какое она создала для меня»²⁶. Из этого порыва вдохновения родилось «Исполнение».

Еще один успешный автор, Джуд Деверо, тоже рассказала читателям бюллетеня Дот, какую роль сыграла книга Вудивисс в ее решении стать писательницей. Ей так понравился «Цветок и пламя», что она побежала купить еще два любовных романа, желая повторить удовольствие. «Я собиралась читать всю ночь напролет», — объясняет она, но «к десяти часам вечера почувствовала такое отвращение, что зашвырнула книги в дальний угол комнаты. Это были сплошные саги об изнасилованиях». Ей ничего не оставалось, как лечь спать, она выключила свет и подумала: «Если бы я читала идеальный любовный роман, каков был бы его сюжет?» Деверо всю ночь сочиняла в уме диалоги героев и, встав утром, начала писать. Получившаяся книга, «Зачарованная земля», с ее независимой героиней и заботливым героем, часто упоминалась участницами опроса как одна из самых лучших²⁷.

Даже невероятно плодовитая и очень профессиональная писательница Дженет Дейли признает, что толчком к карьере, сделавшей ее миллионершей, тоже послужило желание писать такие же книги, как те, которые ей больше всего нравились²⁸.

Поддавшись уговорам мужа, она начала писать любовный роман. И вот начиная с далекого 1968 года и по сей день миллионы людей, покупая ее книги, неофициально подтверждают, что она хорошо понимает запросы своих читателей.

Поскольку многие создатели любовных романов, прежде чем взяться за перо, сами зачитывались такими книгами, логично будет предположить, что их взгляды на любовный роман не расходятся со взглядами читателей. Конечно, это не всегда так, и многие сочинения читатели считают просто провальными. Другие книги, в целом довольно популярные, могут не понравиться части аудитории, доказывая тем самым, что вкусы авторов и читателей бывают весьма далеки друг от друга. К примеру, все без исключения женщины, принявшие участие в моем исследовании, ненавидят книги Роузмери Роджерс, считая их «дрянными», «грязными» и «извращенными». Ее точка зрения на любовный роман, по меньшей мере, не слишком совпадает с мнением этого круга поклонников жанра.

Несмотря на подобные исключения, можно отметить разительное сходство между взглядами читательниц из Смиттона на любовный роман и отношением к нему тех авторов, которые сами любят читать подобные книги. Например, писательница Филлис Уитни в статье «Как написать готический роман», предостерегла желающих попробовать себя в этом жанре: «Нет чувства — нет романа, и это закон!»²⁹ Хотя в готическом романе не могут присутствовать откровенные описания любовных сцен, поясняет Уитни, это не значит, что в нем не должно быть сексуального чувства. Более того, продолжает она, нетерпение и волнение *должны* «проступать» сквозь сцены, которые «недоговаривают и скорее предполагают, чем утверждают». Таким образом, заключает Уитни, «воображение читателя будет работать на вас»³⁰. Она понимает, что женщины, подобные жительницам Смиттона, переживают сюжет романа, отождествляя себя с героиней, которая отвечает герою «всей своей страстной натурой». Уитни также знает — такие читательницы жаждут находить в книге все новые подтверждения, что мужчины в состоянии заботиться о женщине так, как она того жаждет. Чтобы окончательно прояснить свою точку зрения, Уитни говорит, что «в настоящих любовных сценах всегда присутствует нежность и забота, которая и является для женщины возбуждающим фактором — ничего общего с Джеймсом Бондом»³¹. Так же как Беатрис Фауст и смиттонские читательницы, Филлис Уитни считает, что «женщины хотят любить и быть любимыми так, как они любят младенцев,

то есть заботливо»³². В завершение Уитни дает, возможно, главный свой совет: «Я сомневаюсь, что вы сможете писать готические романы, если вам не нравится их читать... Когда я пишу, я целиком погружаюсь в мир героини и ее проблем, и сама прекрасно провожу время. Я и все мои чернобровые герои! Не сомневаюсь, что это важнейшая составляющая, хотя я и упоминаю о ней в последнюю очередь»³³.

Похожее мнение высказала и Жанн Глэс, редактор издательства «Пайрамид пабликэйшнз», специализирующегося именно на таких романах, которые нравятся читательницам из Смиттона. Она написала, что сексуальные сцены в любовных романах должны быть «чувственными, романтическими, с придыханием, заставляющими чаще биться сердце, но ни в коем случае не грубыми, откровенными, брутальными». Она добавляет, что главное в изложении — «акцент на эмоциях женщины: ее нерешительности, сомнениях, гневе, смущении, беспомощности, взволнованности и т. д.»³⁴.

Эти замечания позволяют сделать вывод: некоторые писательницы согласны с участницами моего опроса, что любовный роман — это история любви, увиденная глазами героини, и позволяющая читателю вместе с ней пережить постепенное развитие ее любовных отношений. Авторы таких произведений понимают: целью и *raison d'être** жанра является именно этот, пусть и временный, эффект, произведенный на читательниц, как это наблюдается в исследованной группе. Авторы согласны с читателями — даже если в некоторых вариациях жанра и присутствуют откровенные описания любовных сцен, акцент в них все же должен делаться на любви, выражением которой они являются, а не на физиологических подробностях.

Таким образом, если принять во внимание позицию авторов и читателей, от любовных романов нельзя просто отмахнуться как от формы сексуальной самостимуляции. Ценность книги заключается в чувстве глубокого удовлетворения и блаженства, которое она должна вызывать у читательниц, и единственным экспертом в том, достигает ли она своей цели, могут быть только они сами. Эти чувства возникают благодаря возможности опосредованно участвовать в отношениях, характеризующихся *взаимной* любовью и способностью героя — которую вряд ли назовешь типичной — мягко выражать свою преданность, заботясь о том, чтобы сделать героине приятное. Следовательно, возникает вопрос, *почему* читательницы ищут такой возмож-

* Оправдание (фр.) — Прим. перев.

ности и почему они считают ее для себя полезной и необходимой. Наверное, легче всего ответить на этот вопрос, сравнив романы «хорошие» и «плохие». Мы можем проанализировать рассказы участниц опроса о том, как они поступают, догадавшись, какого рода текст перед ними. Понять, *недостаток* чего заставляет женщин обращаться к любовным романам и какие их *страхи* чтение помогает преодолеть.

Реакции читательниц Смиттона свидетельствует об их остром желании избегать оскорбительных текстов и чувств, которые те обычно вызывают. Двадцать три женщины (55 процентов), как только понимают, что у них в руках плохой роман, немедленно его откладывают, не закончив. Некоторые даже делают символический жест, выбрасывая книгу на помойку, если она серьезно их оскорбила. Такая судьба постигла, например, книгу Лолы Берфорд «Аликс» (1977), постоянно приводимую читательницами как яркий пример порнографического мусора, выпускаемого издателями под видом любовного романа.

Еще девять женщин (21 процент) заявили, что, хотя и не читают «плохую» книгу целиком, все-таки заглядывают в конец «посмотреть, чем кончилось». Например, Морин, отвечая на вопрос, зачем она это делает, когда понятно, что книга оскорбительная, заметила: «Бросить историю на середине значит оставить героиню в середине ее кошмара, в то время как вы *и есть* эта героиня». Все женщины, поступающие подобным образом, подтвердили ее слова. Размышляя над этой проблемой, Морин упомянула, какие книги ей больше всего не нравятся.

Морин: Всякие тупые книжки, в основном об изнасилованиях — иногда групповых. В жизни я бы этого не пережила. А поскольку я становлюсь героиней, не могу пережить этого и в книге. И я ненавижу себя за то, что читаю такие книги. Но если я начала, то должна выбраться, поэтому дочитываю до конца.

Интервьюер: То есть вы должны дочитать?

Морин: Да, должна дочитать. Может быть, просто пробежать глазами, прочитать по диагонали, а иногда и просто заглянуть в конец. Я обязательно закончу, но книга навсегда оставляет неприятный осадок.

Так как практически все романы, независимо от количества сцен насилия над героиней, включенных в сюжет, завершаются союзом главных героев, прочитывая «счастливый» конец,

Морин, по крайней мере формально, убеждается, что для героини все заканчивается как и должно. Она не может просто отбросить роман, посчитав его плохо написанным, именно потому, что, полностью погружаясь в повествование, сама наравне с героиней эмоционально переживает все события. Она и подобные ей читатели испытывают необходимость следовать за вымыслом романа, по крайней мере, до тех пор, когда вместе с героиней можно будет пережить торжество разделенной любви, которое и является общей целью чтения любовных романов.

Стремление избавиться от неприятных ощущений, вызванных «плохой» книгой, бывает у некоторых читательниц столь сильно, что, даже испытывая отвращение к книге, они дочитывают ее до счастливого конца, желая вместе с героиней избавиться от невыносимой ситуации. В самом деле, десять женщин (24 процента) сообщили, что *всегда* дочитывают начатую книгу, независимо от ее качества. Тем не менее эта привычка не свидетельствует о желании, а уж тем более о потребности видеть посягательства на женщин. Напротив, она скорее говорит о настоятельной потребности убедиться, что идеальная любовь возможна даже *в самых худших обстоятельствах* и что мужчина, кажущийся грубым и безразличным, может нежно заботиться о женщине.

Вопрос об отношении читательниц к насилию, которое очевидно присутствует в любовных романах, необходимо рассмотреть в связи с тем, что некоторые исследователи, включая Энн Дуглас, высказали недавно предположение, будто женщинам нравится читать о том, как представители их пола подвергаются жестокому обращению со стороны мужчин. В книге «Культура легкого порно» Дуглас утверждает, что «женщины, которых в действительности не возбуждают обнаженные мужчины в «Playgirl», наслаждаются, считая себя не такими, какие они есть, а такими, какими мужчины хотели бы их видеть: непослужательными, невинными, очарованными мужской сексуальностью и брутальностью»³⁵. Трудно не согласиться с тезисом Дуглас о традиционном взгляде на мужскую сексуальность, которая до сих пор, особенно в романах издательства «Арлекин», именно о них она и пишет, преподносится как неотразимая. Однако есть серьезные основания предполагать, что тема мужской брутальности в последнее время присутствует в любовных романах вовсе не потому, что она притягивает или пленяет женщин, все дело в том, что это тревожное, с их точки зрения, явление становится все более распространенным.

Клиффорд Гирц считает, что все виды искусства, подобно петушиным боям на острове Бали, делают «обыденные явления понятными, представляя их посредством действий или предметов, лишенных их реальных взаимосвязей и сведенных к одной лишь форме, что дает возможность передать смысл максимально ярко и воспринять его максимально точно»³⁶. Если Гирц прав, то кажется вполне вероятным, что озабоченность любовных романов мужской брутальностью есть попытка понять значение явления, ставшего в реальной жизни практически повсеместным. Любовные романы могут содержать женоненавистнические взгляды не потому, что женщины их разделяют, причина в другом — они все более нуждаются в объяснении, как с ними быть.

Похоже, что любовные романы также исследуют попытки сопротивления растущей угрозе насилия, бросая ей своего рода вызов. Может, Дуглас была и права, утверждая, что текст любовного романа не содержит никакого другого посыла, кроме «не надо ездить одной», «мужчины этого не выносят» и «легко вы не отделаетесь»³⁷, однако за этим стоит отнюдь не полное согласие с происходящим, а смирение, порожденное страхом перед возможными последствиями, если такое предупреждение будет проигнорировано. Насилие в романах, вероятно, объясняется также невозможностью представить себе ситуацию, в которой женщина могла бы выдержать конфронтацию с мужчиной или противостоять его принуждению.

Сопоставление конкретных качеств романов, которые не нравятся опрошенным читательницам, с теми, что им нравятся, позволяет особенно наглядно представить этот жанр как способ художественного выражения современных культурных традиций. В частности, если те повороты сюжета и особенности текста, которые читательницы ненавидят больше всего, воспринять как свидетельства их страхов, то можно выделить те стороны в гендерных отношениях, которые больше всего волнуют женщин—участниц моего опроса. В главе 4, посвященной исследованию «идеального» любовного романа, я покажу, что страшные сцены применения насилия, преобладающие в «плохих» любовных романах, всегда существуют и в «хороших» — в качестве потенциальной угрозы женской чистоте, — просто потому, что женщины пытаются *объяснить* себе ситуацию. Поскольку появившиеся наконец в «хороших» романах объяснения остаются очень консервативными и опираются на традиционные понятия и нормы, то когда речь заходит о событиях, похожих на реальные, они всегда рассматриваются не более чем уг-

розы. Правила построения этого жанра как *безопасного* повествования нарушаются в тех романах, где последствия отношений между мужчиной и женщиной оказываются слишком убедительно прописанными или если они влияют на общий стиль изложения книги, отодвигая развивающуюся любовную историю на второй план. В этом случае роман, который пытается объяснить ужасную реальность, слишком близко подходит к ней. Тогда охранительная идеология любовного романа, как и его стремление оправдать существующую социальную структуру, делаются очевидными, и противоречия, которые обычно так искусно маскируются и преуменьшаются, выходят наружу и делают романтическую развязку неправдоподобной даже с точки зрения женщин, обычно нимало не сомневающих в ее возможности.

Таблица 2.3

Вопрос: Что из перечисленного, по вашему мнению, никогда не должно иметь места в любовном романе?

Вариант ответа	На первом месте	На втором месте	На третьем месте	Всего
a. Изнасилование	11	6	2	19
b. Откровенные сцены	6	2	1	9
c. Несчастливый конец	10	4	6	20
d. Физические истязания	5	6	7	18
e. Банальная героиня	1	1	1	3
f. Постоянная смена партнеров	4	12	6	22
g. Секс до свадьбы	0	0	1	1
h. Жестокий герой	1	5	6	12
i. Слабый герой	4	5	7	16
j. Герой сильнее, чем героиня	0	0	0	0
k. Героиня сильнее, чем герой	0	1	3	4

Дот поведала мне о признаках «плохого» романа во время первого же интервью, заметив, что ее покупательницы легко отличают романы, написанные женщиной, от написанных мужчиной. Она была солидарна с читательницами, отвергающими романы, написанные мужчинами, поскольку, по ее словам, редкие мужчины бывают настолько «чувственны» и «восприимчивы», чтобы представить себе, какая «мягкость» необходима для хорошего любовного романа. Когда я попросила ее объяснить разницу между «хорошим» любовным романом и «плохим», она ответила, что последний «знаете, со странностями, полон садомазохизма, жестокости и всякого такого», и решительно закончила: «Я такое ненавижу!»

Другие читательницы, видимо, тоже, ибо на просьбу выбрать по списку три особенности сюжета из одиннадцати, которых «никогда не должно быть в любовном романе», одиннадцать женщин в качестве самой нежелательной указали изнасилование, еще десять выбрали несчастливый конец. Мнение остальной части опрошенных почти поровну поделилось между откровенными любовными сценами, физическими истязаниями героя или героини и постоянной сменой партнеров. Несмотря на кажущееся разнообразие антипатий, если взглянуть на все ответы в целом, мы ясно увидим, что именно женщины не приемлют. По общему мнению, в любовном романе героиня или герой не могут часто менять партнеров, там не должно быть места несчастливому концу, изнасилованию, физическому истязанию и слабым героям. Эти ответы полностью укладываются в гипотезу терапевтических целей чтения любовных романов. Несчастливый конец занимает первые места в списках нежелательных признаков по вполне понятным причинам, ведь он свел бы на нет дистанцированность содержания романа от повседневной жизни, в которой так часто встречаются маленькие провалы, небольшие катастрофы и бесконечные разочарования. Вдобавок любовный роман, лишенный счастливого конца, нарушает утопическое обещание, что отношения между мужчиной и женщиной могут быть справедливо устроены.

Я считаю, что частая смена партнеров по ходу сюжета так не нравится женщинам потому, что этот жанр изучает возможности и последствия усвоения американской женщиной среднего класса так называемой «новой морали». Большинство исследователей любовных романов отмечали, что после появления в 1972 году слишком откровенной по тем временам книги Вудивисс «Цветок и пламя», авторы смогли наделять своих героинь такими чертами, как сексуальность, способность испыты-

вать возбуждение и чувственную страсть. В самом деле, необыкновенная популярность романа Вудивисс, вызвавшего большое количество подражаний, похоже, указывает на то, что движение феминизма и сексуальная революция 1960 года действительно повлияли на многих американок. Однако сильная неприязнь читательниц к сюжетам с постоянной сменой партнеров показывает, что это изменение в нравах было и остается допустимым лишь в очень строгих пределах. Таким образом, «хороший» любовный роман продолжает отстаивать ту точку зрения, что женщина может осознавать свои чувства и следовать им *только* в рамках традиционного, моногамного брака. Когда же в тексте присутствует героиня, способная заниматься любовью с несколькими мужчинами, и это ей не мешает и не вредит, то читатели классифицируют такой роман как «плохой», — мне кажется потому, что он демонстрирует опасные последствия свободной женской сексуальности, находящей выход вне рамок патриархальной традиции, прочно укоренившейся в браке³⁸. Кроме того, такое представление подходит слишком близко к предположению, что личность женщины мужчин не интересует, им, как говорится, одно подавай.

Последний тезис так или иначе содержится в ответах читательниц из Смиттона, которые неоднократно высказывали свое раздражение неразборчивостью мужчин и жаловались на романы, выражающие двойные стандарты. «Мы не хотим, — объяснила одна из опрошенных, — чтобы нам говорили, будто если ты любишь мужчину, то должна все ему прощать». Они не желают перенимать и мужские стандарты; Дот и ее покупательницы предпочли бы, чтобы это мужчины пересмотрели свои. Участницы опроса единодушны в том, что секс — замечательный вид интимного общения, который уместен только тогда, когда люди глубоко небезразличны друг другу и собираются формализовать свои отношения, вступив в брак. Для участниц моего исследования любовные романы не связаны ни с призывом к женскому восстанию, ни со строго консервативным отказом воспринимать какие бы то ни было перемены. Это, скорее, исследование возможности принять или примириться с некоторыми изменениями во всеобщем восприятии женской сексуальности, попытка найти им место в традиционных институтах и структурах, которые, по мнению читательниц, защищают интересы женщин.

Изнасилование и физические истязания героя или героини очевидно нежелательны, поскольку читатель ищет в книге более счастливый и беззаботный вариант существования. Они

также могут быть неприемлемы и по другой причине — любовный роман никогда не бывает просто любовной историей, это еще и попытка понять значение патриархальных ценностей в жизни женщин. Поэтому в нем присутствует тема власти мужчины над женщиной и постоянного использования этой власти в различных обстоятельствах. Показывая героиню в позиции относительной слабости, любовные романы не обязательно это одобряют, просто таково обычное положение дел, и они его рассматривают, чтобы выяснить, как с ним быть. Любовный роман, где рассказывается история женщины, которая сначала не была понята героем и вследствие этого подвергалась жестокому, грубому обращению с его стороны, а потом вдруг сумела возбудить в нем любовь, и он взял ее под защиту, окружил заботой (когда осознал, что раньше неправильно истолковывал ее поведение), — такой роман показывает читательницам, что незначительные проявления грубости, с которыми им приходится бороться в реальной жизни, можно реинтерпретировать как результат непонимания или ревности, возникшей на почве «настоящей любви». Повествование убеждает читательниц, что такие проявления не предвещают значительных изменений или болезненного переворота в их привычном образе жизни³⁹.

То, что Вудивисс называет, по словам одной из опрошенных, «несколько чрезмерным уламыванием», участницы опроса не отвергают, поскольку с готовностью верят, что сексуальная власть героя над героиней всегда является результатом его страсти и ее неотразимости. Есть издательство, которое это очень хорошо понимает, и в памятке для писателей всегда подчеркивает, что хотя сцены изнасилования не рекомендуются, но при некоторых условиях они допустимы, если автор иначе не может донести какую-то мысль⁴⁰. В том случае, если изнасилование «происходит между героиней и героем», говорится в этих указаниях, оно никогда не должно «иметь жестокой мотивации, как в реальной жизни», поскольку «женщине хочется потерять контроль над ситуацией», когда рядом тот, кому она действительно небезразлична. «Настоящее изнасилование» может быть включено в повествование, «только если оно необходимо для движения сюжета» и только в том случае, когда оно происходит не с героиней.

С точки зрения большинства опрошенных, жестокое, или «настоящее», изнасилование переходит границу допустимого в романе, поскольку женщины чувствуют, что не смогли бы простить или объяснить умышленно злой поступок. Они не

могут понять, как героиня может проигнорировать такое событие, простить изнасиловавшего ее мужчину и потом полюбить его. По словам Энн, одной из наиболее откровенных участниц обсуждения: «Мне надоедает смотреть, как они [герои] используют секс в качестве оружия для утверждения своего господства, превращая все в волевую борьбу. Мне такие постоянно попадаются в «Арлекинах», и, по-моему, они отвратительны». Ее замечание вызвало бурное обсуждение среди тех участниц интервью, которые читали последние романы издательства «Арлекин». Все женщины согласились, что более откровенно, по-новому поданная в этих романах тема мужского насилия вызывает отвращение, а некоторые даже признали, что больше их не покупают, чтобы никак не соприкоснуться с такой формой мужского господства. Одна читательница так описала сюжеты «Арлекин»:

В четырех из восьми последних выпусков дело происходит так: они были женаты и разошлись четыре—восемь лет назад, и вдруг *он* решает, что они должны были остаться вместе и *он* ее «наказывает». Потом они сходятся и живут долго и счастливо, и это после того, как *он* ее «наказал». Ничего себе!

Ну разве не идиотизм!

Идиотизм и есть. Он ухитряется выманить ее на встречу с ним или что-нибудь в этом роде, и у него оказывается какая-то власть над ней, эмоциональная или физическая — он или забрал ее ребенка, или разорил ее отца. Он полон решимости заполучить ее снова. Вот теперь она его заслужила!⁴¹

Язвительность читательницы в отношении типичной логики развития сюжета убедительно показывает, что есть пределы тому, что можно объяснить слепотой страстной любви. Хотя мнения всей читательской аудитории любовных романов о том, что приемлемо в тексте, а что нет, скорее всего, чрезвычайно разнятся, тем не менее участницы опроса, например, придерживаются одинаковой точки зрения на ряд обязательных условий. Для них жестокость в тексте допустима, только если она описана очень скупой, если автор подает ее очень взвешенно или если она *со всей очевидностью* объясняется страстью или ревностью героя. Напротив, если она представлена разв-

ратной, брутальной, дана во всех подробностях, носит групповой характер или же явно вызвана стремлением мужчины утвердить свою власть — женщины считают такую жестокость оскорбительной и неприемлемой. Эта любопытная искусственная граница, проводимая ими между «несколько чрезмерным уламыванием» и «настоящим изнасилованием», есть результат чрезвычайно острой потребности понять, как справиться с проявлением мужской власти и насилия в повседневной жизни.

Я подозреваю, что согласие читательниц видеть применение силы, вызванное страстью, есть следствие желания вообразить себя столь желанной для «избранного» мужчины, что «нет» для него — не ответ. Поскольку он считает ее неотразимой, героине не приходится брать на себя ответственность за свои сексуальные чувства. Она избегает необходимости решать, следовать им или нет. И хотя, таким образом, женская сексуальность без какого-либо порицания включается в романтическую фантазию, ответственность за нее все равно не несет не женщина, а мужчина.

Если свойства «плохого» любовного романа раскрывают страхи и заботы их читательниц, то, по-видимому, характеристики «хорошего» указывают на важные потребности и желания, которые идеальный любовный роман должен удовлетворять. По мнению Дот и ее покупательниц, оценить, насколько хорошим является тот или иной роман, можно исходя из трех его характеристик, а именно: личности героини, характера героя и того, как герой добивается благосклонности героини. Если эти персонажи и их взаимоотношения описаны не так, как следовало бы, никакая гениальность сюжета не спасет книгу от помойного ведра.

Впервые обсуждая любовные романы с читательницами в Смиттоне, я была поражена, что все книги они неизменно воспринимали как истории конкретных *женщин*. Упомянув какой-либо роман в качестве иллюстрации своей мысли, участница дискуссии неизменно переходила к краткому пересказу сюжета — начав с некоторого утверждения, касавшегося героини, она принималась перечислять основные события ее жизни. Поскольку опрошенные женщины считают героиню главным персонажем и постоянно отождествляют себя с ней, у них выработались четкие взгляды на то, какой должна быть героиня и каким — ее поведение.

Их мнения на этот счет настолько единодушны и определены, что между их устными высказываниями и ответами на

анонимные анкетные опросы нет никаких расхождений. На мой вопрос о необходимых качествах героини участницы неизменно отвечали, что она должна обладать тремя качествами — умом, чувством юмора и независимостью. Девятнадцать женщин (45 процентов) указали, что больше всего им нравится такое качество героини, как ум (из девяти возможных), а девять читательниц предпочли в этом смысле чувство юмора. Другими частыми вариантами ответа были только женственность и независимость. Суммировав количество упоминаний различных черт, отмеченных как самые важные, мы получим, что первые три места занимают ум, независимость и чувство юмора. Особое значение имеет тот факт, что ум и чувство юмора упомянули три четверти читательниц (79 и 74 процента соответственно), в то время как независимость выбрали чуть менее половины (48 процентов). Женственность, несмотря на кроющуюся за этим термином скромную почтительность, собрала все же немало — целых четырнадцать голосов.

Может показаться любопытной та настойчивость, с которой опрошенные женщины выбирают ум и независимость героини, хотя многие «объективные» исследователи писали, что характерным ее свойством является пассивность и трепетная беспомощность⁴². Этот жесткий аналитический вывод, однако, сделан на основании того, насколько героине удалось в конечном счете разрешить вставшую перед ней проблему, довести свои желания до сведения героя или же противостоять его запугиваниям. Коротко говоря, *результаты* ее действий всегда оцениваются по шкале, высшая отметка которой соответствует независимой женщине, способной на продуктивные действия и вне сферы домашнего хозяйства. Хотя героиня любовного романа, несомненно, проигрывает в сравнении с идеальной женщиной, будет уместным отметить, что никто из участниц опроса не считает нужным стремиться к такому идеалу, они не оценивают характер героини, взвешивая тщательно то, насколько успешно она смогла изменить свое окружение или заставить других поступать так, как ей хочется. Напротив, для них личность героини раз и навсегда определяется простой констатацией ее способностей, талантов и выбора карьеры в начале романа. Участницы опроса, принимая эти замечания за чистую монету, не ищут в дальнейших событиях ничего такого, что могло бы изменить или дополнить этот портрет. Они верят не только в искреннее желание героини быть независимой, но и в правдоподобность смягчающих обстоятельств, всегда появляющихся, чтобы помешать ее действиям.

Таким образом, читательницы куда более, нежели их критики-феминисты, склонны видеть влияние мужской власти и социальной традиции на умение женщины действовать в своих интересах. Следует также отметить, что в них эта склонность свободно уживается с верой в то, что женщина должна хотеть пожертвовать собственной выгодой во имя долговременных отношений, в которых общие цели важнее эгоистических желаний.

Всем этим я хочу сказать, что если основывать анализ на системе взглядов, с которыми женщины подходят к чтению романа, то интерпретация поведения героя с большей вероятностью может совпасть с тем, как его воспринимают и понимают сами читатели. В этом случае и предлагаемое объяснение стремления пережить тот или иной романтический вымысел скорее совпадет с действительными мотивами читателей, заставляющими их взять с полки любовный роман. Героиня романа, которая может показаться глупой, зависимой и даже слишком пафосной в глазах женщины, давно воспринимающей равенство способностей мужчин и женщин как данность, выглядит мужественной, или даже храброй, в глазах другой, все еще неуверенной, действительно ли это равенство есть факт и захочет ли она с ним согласиться.

Жительницы Смиттона, как кажется, противостоят одновременно и перспективе женского движения вместе с той угрозой, которую оно несет, и тому, как общество (в наши дни с удвоенной силой) склонно преуменьшать умственные и деловые качества «обычной домохозяйки». В итоге, несмотря на свой консерватизм и склонность признавать скорее традиционный тип отношений между мужчиной и женщиной, участницы опроса гневно отзываются о мужчинах, которые привыкли подсмеиваться над «женской работой», и в то же время возмущаются высказываниями «радетелей за права женщин» о матерях и домохозяйках как о неразвитых, пассивных и малоценных существах. Их вера в то, что героиня действительно так умна, как утверждает автор, хотя она показана уязвимой и озабоченной более всего тем, чтобы быть любимой, проистекает, по-видимому, из неосознанного желания найти выгоды, которые может дать феминизм в применении к традиционным институтам и отношениям. Поэтому простого заявления автора о наличии у героини особых качеств оказывается вполне достаточно. Вместо показа конкретных действий героини, которые могут быть восприняты неоднозначно, автор любовного романа при помощи нескольких простых утверждений демонстрирует

читательнице совместимость изменившегося женского самосознания с традиционалистскими социальными условиями. В идеальном романе «независимость» и четкая «самоидентификация» никогда не идут вразрез с патерналистской заботой и защитой со стороны мужчины.

Хотя в главе 4 мы рассмотрим конкретные авторские приемы, которые используются в «хороших» романах, я бы хотела процитировать здесь несколько отрывков из длинного и бурного обсуждения «идеальной» героини любовного романа, чтобы избежать прямых противоречий между зависимостью героини и ее стремлением к самоопределению. В разговоре участвовали Дот, ее дочь Кит и Энн. Вместо того чтобы, подобно остальным, начать перечислять абстрактные черты характера, эти женщины пустились в пятнадцатиминутный совместный пересказ книги Элси Ли «Дипломатический любовник» (1971). Радость, с которой они описывали героиню и ее, как им кажется, умение владеть ситуацией, служит еще одним хорошим примером их общего с феминистками желания обрести веру в самих себя, а также в силу и способности женщин в целом. Когда я спросила своих собеседниц, почему им так понравилась эта книга (они рассказали мне, что даже сделали себе ксерокопии текста, поскольку книга уже исчезла из магазинов), — женщины ответили мне очень пространно и начали так:

Дот: Это просто классический случай.

Энн: Она решает, что хочет потерять девственность, и выбирает его.

Кит: Ну а он — и правда красавец, телезвезда, и...

Дот: Нет, все дело в том, что она сама — часть современного мира. Она в Вашингтоне, в дипломатическом корпусе.

Кит: И, ну знаете, принимает решение она.

Дот: Ее зовут Нэнни и она — единственная [в дипломатическом сообществе], кто еще остается девственницей.

Энн: Да.

Дот: И они зовут ее Нэнни-Нет-Нет, потому что она всегда говорит: «Нет, нет, нет!»

Энн: Она все знает, все руководства прочла, просто до сих пор не нашла никого, кто бы заставил ее кровь закипеть.

Дот: А его она знала давно.

Энн: Но вот однажды на одной вечеринке он заходит в комнату и вдруг...

Кит: Она принимает решение! Это ее день рождения.

Энн: Она мысленно предвкушает удовольствие.

Кит: Ей двадцать три, и она решает: «Все, пора!»

Энн: Да.

Дот: Но знаете, это не неприятно. Не было ничего такого, чтобы... это не так, как у других.

Кит: Очень интимно.

Дот: Не грубо, напрямую⁴³.

Во время дальнейшего пересказа, они с гордостью восклицали, что «Нэнни знала шесть языков», была «очень хорошим художником» и «не хотела выходить за него замуж, несмотря на беременность», поскольку считала, что он был просто «шеголеватым котом» и не был бы ей верен. Эти нетрадиционные умения и взгляды, очевидно, и самой писательнице кажутся не совсем уместными или подходящими для женщины, поскольку она принимается оправдывать их в развязке романа, когда герой убеждает Нэнни в своей любви, отказывается жить без нее и обещает заботиться о ней в будущем. Вот воспоминания группы интервьюируемых об этом моменте:

Дот: Он начинает преследовать ее и это просто...

Кит: На грани истерики.

Дот: Прямо представляешь себе все это.

Кит: Она пятится.

Дот: Пытается добраться до лестницы, чтобы попасть в свою комнату.

Кит: И кинуться туда.

Энн: Она — сама хрупкость и изящество.

Дот: Да, и он преследует ее, она пятится и говорит: «Нет, я не выйду за тебя!»

Энн: «Не пойду!»

Кит: «Забудь!»

Дот: «Нет, ты мне не нужен!»

Энн: А он говорит: «Я поселюсь на твоём крыльце в знак протеста, это нечестно», в таком духе.

Как и во всех любовных романах, в финале романа Ли противостояние женщины мужчине в конечном счете оказывается бесполезным, ребяческим и ненужным. Тем не менее, если

мы хотим понять, какое значение имеет чтение романов для читательниц, нам необходимо учитывать, что им одинаково важно как восхищаться умом, независимостью, самодостаточностью и инициативой героини в начале повествования, так и убедиться в конце, что та оказалась в плену мужчины, который без нее жить не может. Передавая концовку романа, Дот, Кит и Энн заново пережили «то, как она соблазнила его», восхищаясь моментом, «когда она наконец сделала ему предложение, а он в этот момент пил и чуть не поперхнулся до смерти!».

В романах, которые больше всего понравились опрошенным женщинам, как, например, «Дипломатический любовник», счастливый конец устанавливает статус-кво в гендерных отношениях, когда героиня оказывается в надежных объятиях героя. Это же окончание, однако, можно интерпретировать как повод для опосредованного наслаждения победой женщины. Так его воспринимают читательницы, поскольку, по их словам, героиня сохраняет свою чистоту на своих условиях, добившись от героя формальных обязательств и тем самым обеспечив себе будущее единственным приемлемым для нее образом.

Участницы опроса не только хотят, чтобы в центре повествования находилась сильная, но воспитанная в традиционных ценностях героиня, им важно, чтобы влюбившийся в нее герой тоже имел совершенно определенные черты. Как уже было упомянуто, эти женщины в основном дочитывают романы до конца, даже если те им не особенно нравятся, — например, когда герой плохо обращается с героиней, — потому что счастливое окончание романа для них важнее всего остального, оно оправдывает многие отдельные эпизоды, которые читательницы не смогли бы иначе простить. Тем не менее больше всего они хотели бы видеть, что героиня желанна и любима, а сильный, мужественный и в то же время нетипично мягкий, отзывчивый и заботящийся об ее удовольствии мужчина просто жить без нее не может. На просьбу выстроить десять мужских качеств в порядке предпочтительности ни одна из опрошенных читательниц не поставила на первое, второе или третье место независимость. Можно предположить, что женщины не считают нужным особо выделять это качество, полагая, что мужчины независимы по своей природе, однако из их ответов следует нечто другое. Обсуждая конкретные книги, они неоднократно повторяли: больше всего в любимых романах им запомнилось и понравилось, насколько искусно автор описывал момент осознания героем своих глубоких чувств к героине и того, что он не мыслит без нее своего существования. С од-

ной стороны, женщины хотят увидеть, что герой становится защитником героини, а с другой — им важно, чтобы ее зависимость была уравновешена зависимостью героя от нее. В этом контексте значение, которое читательницы из Смиттона придают взаимности в любви, кажется очень понятным.

Я не утверждаю, что сила мужчины и его способность защитить женщину не являются важным элементом романтической прозы; совсем наоборот. Вспомним, что шестнадцать женщин (38 процентов) указали на слабого героя как на одно из трех самых нежелательных качеств романа. Вдобавок, почти 25 процентов участниц поставили силу героя на третье по важности место. Однако ни силе, ни способности защитить героиню они не придают такого же значения, как уму, мягкости и легкому отношению к жизни — качествам, которые читательницы значительно чаще помещали на первые три места.

Таблица 2.4

Вопрос: Какие качества вы хотели бы видеть в герое?

Вариант ответа	На первом месте	На втором месте	На третьем месте	Всего
a. Ум	14	11	5	30
b. Мягкость	11	8	7	26
c. Способность защитить	3	4	7	14
d. Сила	3	3	9	15
e. Храбрость	1	4	2	7
f. Чувство юмора	8	5	6	19
g. Независимость	0	0	0	0
h. Привлекательность	2	5	3	10
i. Красивое тело	0	2	2	4
j. Другое	0	0	0	0
k. Не указано		1	1	

Но поскольку Дот и другие участницы обсуждений редко вступали в дискуссии по поводу героя или высказывали свое мнение о конкретных мужских характерах, то представить себе во всем объеме их «идеал» или же определить, почему он такой, оказалось делом нелегким. Некоторые загадки так и остались неразгаданными, несмотря на то что читательницы ответили на все поставленные вопросы.

По-прежнему не ясно, с чем связано явно выраженное предпочтение «умных» героев. Сложно сказать, почему читательницы из Смиттона так выделяют именно это качество. Возможно, их ответ объясняется тем, какое большое значение они придают книгам, учебе, образованию и карьере, и свидетельствует о признании мужского превосходства в этой области, что, однако, не подразумевает автоматического признания более низкого развития женщин. Ум упоминался в дискуссиях об идеальном герое, но читательницы дали мало информации, которая помогла бы понять, почему это качество преобладает в ответах на вопросы анкеты. Некоторые устные замечания как будто намекают на существование ожиданий, что «умный» мужчина скорее сможет по-настоящему оценить и принять «неповторимость» идеальной героини. Однако женщины говорили об этом не настолько часто, чтобы можно было сделать вывод, что именно эта причина лежит в основе такого предпочтения. Столь же сложно объяснить, почему читательницы выделяют именно чувство юмора, хотя я подозреваю, что интерес к нему таит в себе желание видеть героя, способного к «словесной дуэли» с героиней. Это не только создает атмосферу «легкости», которую высоко ценят женщины, принявшие участие в опросе, но и помогает продемонстрировать такое достоинство героини, как ее склонность к острому словцу.

Многие дискуссии сводились к обсуждению умения героя построить отношения с героиней, при этом характер самого героя оставался неопределенным. Читательниц больше интересует роль, которую играют нравящиеся им персонажи мужского пола, нежели их личностные особенности. Рассказывая о своих любимых романах, участницы опроса упоминали мягкость и отзывчивость не столько как черты характера конкретных мужчин, сколько как общую характеристику отношения всех хороших героев к героине вообще. Объектом внимания этих читательниц всегда остается главная героиня. Более того, мужчина редко ценится за свои внутренние качества, о нем судят по той позиции, которую он занимает в отношении героини. Таким образом, романтический вымысел есть не мечта

найти единственно интересного партнера в жизни, а желание быть особенным образом (в рамках определенного ритуала) любимой, ценимой и окруженной заботой.

Одна из пяти читательниц, которых я опросила подробно, рассуждая о разнице между «идеальным» любовным романом и «извращениями» Розмери Роджерс, предположила, что редактором там был мужчина, поскольку, как она выразилась, «это книга мужского типа». На просьбу пояснить эту мысль, она ответила: «Мужчине в такой книге нравится секс, ну знаете, Мэт Хелм и тому подобное». Она проводит различие между сексом и любовью так же, как участницы опроса отделяют порнографию, связываемую ими с мужчинами, от собственно интереса к «проникновенной любви», на которую, по их мнению, мужчины не способны. Как сказала Джой о последних книгах «Арлекин»: «...в них мужчины думают только о сексе, это единственное, что их интересует. Больше их ничего не волнует... Женщинам это не нужно. Им нужен юмор, любовь и забота». В одном из наших последних обсуждений Дот похожим образом рассуждала о различиях между порнографией и любовным романом, а также между мужчинами и женщинами, и при этом, позволив себе помечтать, назвала одну конкретную черту, которой, по ее мнению и мнению других читательниц, должны обладать все мужчины:

Я всегда думала, что женщины глубже понимают психологию мужчин, чем мужчины психологию женщин. Мужчины просто не тратят на это времени. Вот не тратят, и все. Мне всегда казалось интересным, что психиатров, наверное... в стране 85–90 процентов психиатров — мужчины, и я уверена, что это очень информированные люди. Я уверена, что они выучили все учебники, но что касается интуиции, мне кажется, что самая большая редкость — это... это понимающий мужчина. ... Я не думаю, что мужчина смотрит глубоко. Мне кажется, что они даже мужчин воспринимают поверхностно, основываясь на внешнем впечатлении.

Когда читательницы ищут идеальный любовный роман, то в действительности они стремятся найти мужчину, способного на такое же внимательное наблюдение и интуитивное «понимание», какое, по их мнению, женщины проявляют к мужчине. В 4-й главе при более детальном исследовании романов,

которые больше всего нравятся участницам опроса, мы увидим, что «идеальная» романтическая история удовлетворяет две глубокие потребности, которые сформировались у женщин благодаря влиянию традиций патриархального общества. С одной стороны, она позволяет читательнице отождествить себя с героиней в момент ее наибольшего успеха, то есть когда та добивается внимания и признания со стороны мужчины, — наиболее сильного и важного лица из своего окружения. В этом смысле счастливый обозначает, что женщина нашла себя и свое место в обществе, став любящей женой и матерью.

С другой стороны, повествование, подчеркивающее постоянную сосредоточенность героя на своей избраннице, на нежности его ласк, когда он заключает любимую в объятия (которые все же остаются «мужественными», несмотря ни на что), — пробуждает в читательнице также память о том периоде ее жизни, когда она была центром глубоко заботливого внимания. Поскольку неодинаковое влияние культуры на женщин и мужчин вынудило последних подавить в себе способность к нежной заботе и поскольку женщины в ежедневной жизни часто лишены возможности эмоционального возврата в прошлое, они вынуждены удовлетворять эту постоянную потребность как-то по-другому. В своей книге «Воспроизведение материнской заботы» Нэнси Чодороу предположила, что одним из способов, которым женщина может обеспечить себе эту поддержку, является материнская забота об окружающих. По ее мнению, женщина, горячо и эмоционально заботясь о ребенке и отождествляя себя с ребенком, тем самым заботится о себе, хотя и опосредованно. Однако Чодороу не поясняет, являются ли эти опосредованные забота и внимание адекватной заменой. Тот идеальный образ любовного романа, который сложился в головах у читательниц из Смиттона, убедительно доказывает противоположное. Значение, какое в нем придается эмоциональной связи героя и героини, позволяет предположить, что женщины все равно хотят, чтобы их любил, понимал и опекал взрослый человек, способный самоотверженно посвятить себя потребностям любимой.

В следующей главе мы увидим, что именно это постоянное стремление окружить других материнской заботой, превратившееся в обязанность, приводит женщин к ощущению опустошенности, которое, по-видимому, толкает их к чтению любовных романов. Погружаясь в романтический вымысел, женщины опосредованно удовлетворяют свою потребность в заботе, отождествляя себя с героиней, чье главное, так сказать, дости-

жение заключается в успешном привлечении к себе внимания героя и самоутверждении в качестве объекта его влечения и заботы. Поскольку читательница испытывает на себе эту заботу лишь опосредованно, ее желание может быть утолено только в том случае, когда персонаж испытывает ту же потребность. Когда сюжет исчерпал себя и книгу приходится закрыть, читательница вынуждена вернуться в реальную действительность. Возможно, еще некоторое время она будет чувствовать себя эмоционально восстановленной, хотя она ничего не предприняла, чтобы изменить свои отношения с окружающим миром. Они остаются теми же, и когда женщина возвращается в реальную действительность, она готова — и от нее этого ждут — потратить свои эмоциональные ресурсы на заботу о других. В этом случае чтение любовных романов служит средством восстановления этих ресурсов в отсутствие других средств. Таким образом, первопричиной регулярного чтения романов является их кратковременный терапевтический эффект, востребованный под воздействием окружения, создающего у женщины потребности, которые оно не в состоянии удовлетворить.

Содержание

Борис Дубин. О книге Дженис Рэдуэй и предмете ее исследований ...	5
Благодарности	14
Вступление. Создавая «Читая любовные романы»	16
Глава 1	
Институциональная основа. Издание романтической прозы	38
Глава 2	
Любовные романы и их читатели	73
Глава 3	
Процесс чтения любовных романов.	
Уход от проблем и самообразование	122
Глава 4	
Идеальный любовный роман. Патриархальное обещание	163
Глава 5	
Провальный любовный роман.	
Слишком близко к проблемам патриархального общества	209
Глава 6	
Язык и повествовательный дискурс.	
Идеология женской самоидентификации	244
Примечания	307
Библиография	324
Указатель имен	331

Дженис А. РЭДУЭЙ

Читая любовные романы

Подписано в печать 20.05.04

Формат 60х90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»

Адрес: 119049, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Тел.: 245-4903, 245-5395